

•

МАЛАЯ РЕРИХОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Н.К. РЕРИХ. УРУСВАТИ

Рерих Н.К. Урусвати. – М.: Международный Центр Рерихов, 1993. – 104 с.

В сборник вошли очерки Николая Константиновича Рериха, посвященные Мировой Сокровищнице Духа – Гималаям и созданию здесь комплексного Института научных исследований «Урусвати». Безусловный интерес читателей вызовет приложение к изданию, в котором впервые публикуются материалы из архива МЦР.

На 1-ой стр. обложки: Н.К. Рерих. Царица Небесная. Фрагмент. 1931

ISBN 5-86988-017-3

© Международный Центр Рерихов, 1993.

СОДЕРЖАНИЕ

П.Ф.Беликов, Л.В.Шапошникова. Институт «Урусвати» 3

ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ

Индийский путь

Индия (1937)

Индия (1937)

Дружество

Русь-Индия

Знаменосцы

Индия (1945)

СОКРОВИЩНИЦА ДУХА

Гималаи (1931)

Гималаи (1935)

Гималаи (1943)

СВЯЩЕННАЯ ДОЛИНА

Боги Кулуты

Риши

Наггар

Ступени

СВЕТ УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ

Урусвати (1929)

Меч Гессар-Хана

Урусвати (1931)

Подвижность

Урусвати (1938)

На острове

Четверть века

На вышке

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИЗ АРХИВА МЦР.

Письма Ю.Н. Рериха к Е.И.Рерих.

Отчет о поездке в Вашингтон Н.Рериха, Ю.Рериха и Френсис
Грает в декабре 1929 г

Письмо Музею Рериха

Публикации Института Гималайских исследований «Урусвати»

П.Ф.Беликов, Л.В. Шапошникова

Вместо предисловия.

ИНСТИТУТ «УРУСВАТИ»

Долина Кулу... Узкая полоса плодородной земли, втиснутая между западными и восточными отрогами Гималайских гор. Весь район расположен далеко от крупных городов Индии, от центров ее культуры. Тем не менее эта отдаленная и малоизученная область представляет собой осколок древнейшей культуры Индии. Вряд ли где-нибудь еще в стране можно найти столь своеобразную и интересную местность. Склоны Гималаев вплотную подходят к реке Беас, протекающей по долине. В некоторых местах достаточно пройти несколько сот метров, чтобы оказаться на тропе, которая поднимается прямо в горы. До сих пор цивилизация мало коснулась Кулу. Долину и сейчас можно считать богатейшим историко-этнографическим и природным заповедником. К Кулу прилегают малоизученные области индийских Гималаев – Лахуль, Спити, Чамба. Все, вместе взятое, представляет огромный интерес для различного рода исследований, начиная с геологии и кончая этнографией и археологией.

Этот регион интересен также с точки зрения важных проблем, связанных с этногенезом народов Индии. Основным населением этих областей являются потомки древних кунинда, или каннета, упоминавшихся в ведах. Есть основания полагать, что кунинда населяли Кулу и в доведический период. В связи с этой проблемой представляется уникальной изолированная долина Малана, расположенная за перевалом Чандракани. Немногочисленные жители Маланы до сих пор сохранили древнее наречие, традиции и культуру, на которые внешний мир оказал незначительное влияние. Население долины Кулу является живым источником для историка, этнографа и лингвиста. Земля Кулу и смежных с нею районов хранит немало древних, еще не известных нам реликвий, поэтому археологические раскопки имеют здесь большие перспективы.

Богатый животный и растительный мир индийских Гималаев, специфика геологической структуры, возможность вести метеорологические наблюдения делали эту область ценной для ученых самых разных профилей, и у Николая Константиновича Рериха было достаточно оснований выбрать ее в качестве места для Гималайского института научных исследований. «Гималаи, – писал русский художник и ученый, – являются неистощимым источником не только аюрведических исследований, но и со стороны исторической,

философской, археологической и лингвистической всегда будут неисчерпаемы. Место института в древней долине Кулу, или Кулуте, тоже было удачно. В этих местах жили риши и мудрецы Индии. Многие легендарные [1] и исторические события связаны с этими нагорьями. Тут проходил Будда, и в свое время процветали десятки буддийских монастырей. Здесь находятся развалины дворцов Пандавов, пещера Арджуны; здесь собирал Махабхарату риши Виаса. Здесь и Виасакунд – место исполнения желаний» [9, 124].

Комплексный институт «Урусвати» («Свет утренней звезды») имеет свою трудную и славную историю. Он основан Н.К. Рерихом 24 июля 1928 г.[2] в Дарджилинге после завершения им Центрально-Азиатской экспедиции. В декабре 1928 г. институт был перебазирован в долину Кулу.

Инициативу открытия в Индии специального научного учреждения именно русским исследователем Азии нельзя считать случайностью. Русские ученые-востоковеды и путешественники в XIX-XX вв. активно осваивали малоизученные просторы Азии. Круг их интересов лежал в области того древнего и прямого пути, который связывал народы Юго-Восточной Азии с Россией через Сибирь и Тибетское нагорье в направлении Индии.

Правда, этот исторически сложившийся путь был чреват многими опасностями, вызванными не только суровой природой, но и тем барьером, который воздвигала вокруг себя «священная» Лхаса. В течение столетий его преодолели лишь отдельные смельчаки, переодетые паломниками-буддистами, попытки же приблизиться к Лхасе с научно-исследовательскими экспедициями успеха не имели.

Тем не менее, русские исследователи никогда не отказывались от намерений проникнуть в таинственные области Азии, и вряд ли путешествие Н.К. Рериха можно рассматривать изолированно от общих усилий и сложившихся традиций отечественного востоковедения. Во всяком случае, хорошо известно, что Н.К. Рерих тщательно следил за его достижениями и со многими из своих современников-востоковедов был тесно связан.

Октябрьская революция и последовавшие за ней политические события усложнили работу русских исследователей в колониальных владениях западных стран. Великобритания всегда противодействовала пребыванию русских ученых в своих колониях, а

в начале 20-х годов шансы появления в них русских исследователей практически были сведены ею к нулю. Это испытал на себе и Н.К. Рерих. Только трехлетнее пребывание в США и широко развернутая международная культурно-просветительская деятельность помогли ему в конце 1923 г. приехать в Индию, о чем он мечтал уже с начала 10-х годов.

К концу 1924 г. Рерих подготавливает большую экспедицию в Центральную Азию. Ее маршрут дважды пересекал Тибетское нагорье: с юга на север – в его западных областях и с севера на юг с обратным выходом в Индию – в восточной части. По своим масштабам такая экспедиция не имела прецедента в истории изучения Центральной Азии.

Рериху удалось осуществить свое, на первый взгляд, казавшееся несбыточным намерение. Его Центрально-Азиатская экспедиция 1925-1928 гг. – самостоятельная тема, выходящая за рамки этой статьи. Мы упомянем лишь об одной характерной детали. Возвратиться в Индию с территории Советского Союза Рерих мог обходным путем, по китайской территории. Но он выбрал наиболее трудное направление – через владения Лхасы, которым уже пытались пройти его славные предшественники Пржевальский и Козлов. Завершая начатое ими дело, Рерих все-таки вынужден был обойти Лхасу круглым путем по совершенно неизвестным областям Трансгималаев. Однако это непредвиденное обстоятельство лишь обогатило науку многими ценными открытиями.

Николай Константинович Рерих вышел с экспедицией, в составе которой находилась его жена Елена Ивановна и старший сын Юрий Николаевич, в марте 1925 г. Экспедиция двинулась из Сиккима через Сринагар в Центральную Азию и вернулась в Сикким в конце мая 1928 г., перевалив через Гималайский хребет с севера в районе Джомолунгмы. На своем пути экспедиция собрала обширнейший научный материал. Вопрос о его систематизации, обработке и дальнейшем использовании так или иначе должен был возникнуть перед Рерихом. Решить его можно было по-разному: передать находки заинтересованным научным учреждениям Запада, которые частично финансировали экспедицию, найти подходящее научное учреждение в самой Индии или же заняться продолжением успешно начатого дела

самостоятельно. Рерих остановился на последнем, как на единственно приемлемом для себя решении.

Интересы Рериха никогда не замыкались изучением какой-либо одной страны или национальной культуры Востока. Начав свою научную деятельность с археологических изысканий в северо-западной части России, Рерих увлекся проблемой исторических миграций народов Азии, влиянием их древних культур на более молодую культуру славянских племен. И это привело к тому, что в конце концов исследовательская деятельность Рериха-ученого охватила обширнейшую территорию, включившую в себя северо-запад России, Алтай, Монголию, северо-запад Китая и Гималаи.

Приехав в 1923 г. в Индию, Рерих спешит в Сикким, к южным склонам Гималаев, откуда ведут пути через Тибет и Монголию до самой Сибири. Первые дневниковые записи Николая Константиновича [12; 20] больше повествуют о Тибете и Монголии, чем собственно об Индии. Много в них упоминаний и о России. Рерих как бы готовится к походу в те области Центральной Азии, куда не смогли проникнуть его соотечественники с северного направления.

Стремление внести свою лепту в русское востоковедение, согласовать свою деятельность с теми задачами, которые приобретали актуальность для Советского Союза, никогда не угасало в Рерихе. Об этом свидетельствуют, как его постоянные усилия наладить связи с советскими учеными, так и его контакты с советской дипломатией за рубежом, начиная с 1924 г. Николай Константинович имел полное право заметить в «Листах дневника»: «Для кого же мы все трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы перевидали и радости, и трудности, и опасности. Много где нам удалось внести истинное понимание русских исканий и достижений. Ни на миг мы не отклонялись от русских путей. Именно русские могут идти по нашим азийским путям» [9,244].

Особый интерес Рериха к тем районам Азии, которые ближе подходили к сибирским землям, вполне понятен. Однако, как для русского востоковедения в целом, так и для Рериха индология сохраняла свое ведущее место. И изучение возможностей прямого общения России с Индией через Тибет в прошлом, настоящем и будущем все больше и больше сближало Рериха с индийской культурой, останавливало его внимание на проблемах, связанных с

русско-индийским культурным и научным сотрудничеством. Поэтому организация на индийской территории независимого научного учреждения, преследующего такие цели, имела для Николая Константиновича первостепенное значение. Он писал: «Если поискать да прислушаться непредубежденно, то многое значительное выступает из пыли и мглы. Нужно, неотложно нужно исследовать эти связи. Ведь не об этнографии, не о философии думается, но о чем-то глубочайшем и многозначительном. В языке русском столько санскритских корней. Кое-какие ответы на такие запросы имеются, но ведь они разрозненны и забыты в пыли неведомых полок библиотечных. Пора русским ученым заглянуть в эти глубины и дать ответ на пытливые вопросы. Трогательно наблюдать интерес Индии ко всему русскому. В нем не только доверие к русской мощи, но и нечто родственное [...]. Тянется сердце Индии к Руси необъятной. Притягивает великий магнит индийский сердца русские. Истинно «Алтай-Гималаи» – два магнита, два равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских» [там же, 268].

«Алтай-Гималаи» – книга, собранная из путевых записей Н.К. Рериха 1923-1928 гг. Как бы объявляя о своих намерениях и настроениях, он открывает книгу словами, записанными еще по пути в Азию: «Урус карош» – кричит лодочник в Порт Саиде, увидав мою бороду. Всюду на Востоке звенит этот народный привет всему русскому. И сверкает зеленая волна, и красная лодка, и бело-голубая одежда, и жемчуг зубов: «Карош урус!» Привет Востока!» [5, 10].

В двух английских изданиях «Алтай – Гималаи» [21; 22] начальные слова русского оригинала рукописи по вполне понятным причинам были опущены. Книга «Алтай – Гималаи» содержит записи о Цейлоне, Сиккиме, Кашмире, Синьцзяне, Алтае, Монголии, Тибете, собственно Индии. И если мы взглянем на географическую карту, то увидим, что место, выбранное Рерихом для нового института, находится в центре той громадной территории, которую охватывали его научные интересы. При этом они не ограничивались прямой специальностью Рериха-ученого – археологией. Помимо археологического отдела при институте «Урусвати» сразу же были открыты отделы естественных наук и медицины, научная библиотека, музей для хранения экспедиционных находок. Отделы имели свои специализированные подразделения. Так, при археологическом отделе

существовали секции общей истории, истории культуры народов Азии, истории древнего искусства, лингвистики и филологии. Отдел естественных наук занимался ботаникой и зоологией, метеорологическими и астрономическими наблюдениями, изучением космических лучей в высокогорных условиях. В медицинском отделе наряду с изучением древнетибетской медицины и фармакопеи была организована биохимическая лаборатория, в которой исследовались современные средства борьбы против рака.

Институт «Урусвати» был задуман Н.К. Рерихом как научно-исследовательское учреждение по комплексному изучению обширных территорий Азии, заселенных народностями, древнейшая культура которых оказала в свое время исключительное влияние на развитие мировой культуры, в первую очередь, европейских народов, несправедливо забывших, а подчас и сознательно искажавших пред историю своей цивилизации.

Солидаризуясь с народами Востока, с их представителями науки и прогрессивной общественной мысли, Рерих отказывался примириться с подобной несправедливостью. Недооценка прошлого, настоящего и будущего народов Востока, с умыслом или непреднамеренно подкрепляемая европоцентристскими теориями, уже сама по себе была для него острейшей научной проблемой, требующей немедленного и коренного пересмотра. Поэтому и значение Н.К. Рериха как ученого нельзя определять исходя только из тех научных дисциплин, в которых он непосредственно вел научную работу. Рерих был также и замечательным организатором науки, ее идеологом, активно борющимся за то, по его словам, «руководящее знание», которое содействовало бы воцарению справедливости на всем земном шаре.

Предпосылки возникновения института «Урусвати» можно в основном свести к следующим:

1) научная деятельность Н.К. Рериха до 1917 г., выразившая общие традиции русских востоковедов и исследователей Центральной Азии;

2) экспедиция 1925-1928 гг, блестяще завершившая деятельность русских путешественников XIX и начала XX в. Впервые был проложен маршрут из Сибири через Тибетское нагорье и Трансгималаи прямо в Индию;

3) необходимость научной обработки собранных в экспедиции материалов;

4) повышенный интерес Н.К. Рериха к Индии и его давнишнее стремление наладить регулярное научное и культурное сотрудничество между Россией и Индией.

Мы сейчас не касаемся художественных интересов и устремлений Рериха. Он всегда и при всех обстоятельствах, конечно, оставался художником. Искусство народов Востока, в том числе индийское, было ему бесконечно дорого и оказало на его живопись заметное влияние. Через всю богатую творческую жизнь Рериха изобразительное искусство проходило красной нитью. Однако было бы ошибочно полагать, что только оно привело Рериха в Азию. Достаточно упомянуть, что одним из первых его визитов по приезде в Индию в 1923 г. было посещение научного института Дж.Боса в Калькутте. Известный индийский ученый серьезно отнесся к предложению Рериха о сотрудничестве и вскоре навестил его в Сиккиме. В дальнейшем институт Дж.Боса и «Урусвати» не прерывали научных контактов.

Задачи, поставленные Рерихом перед этим новым научно-исследовательским учреждением, были поистине грандиозны, а то, что «Урусвати» находился в тогда еще колониальной Индии, намного усложняло их решение. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что далеко не все намеченное Рерихом удалось полностью реализовать. Более достойно удивления то, что ему удалось так много сделать в невероятно трудных условиях 20-30-х годов и что многие поставленные им проблемы не только не потеряли актуальности в наше время, но приобрели еще большее значение. Предвидение крутого поворота в судьбах народов Востока не обмануло Рериха, и все его начинания оказались на редкость перспективными.

Первыми практическими шагами по укреплению положения института «Урусвати» была поездка в западные страны. В июне 1929 г. Николай Константинович и Юрий Николаевич посетили Нью-Йорк. Там заканчивалось строительство 24-этажного здания, предназначенного для размещения музея, Института объединенных искусств, Международного центра искусств и других культурных организаций, созданных американскими сотрудниками Рериха. Среди них были весьма влиятельные люди – видные деятели науки и

культуры. Поэтому по приезде в США Рерихи были приняты президентом Гербертом Гувером и мэром Нью-Йорка Дж. Уокером.

Интерес к недавно закончившейся Центрально-Азиатской экспедиции Рериха был в США исключительно велик, так как экспедиция эта была осуществлена при содействии американских научных и культурных организаций, шла под американским флагом, и еще до ее окончания Нью-йоркский музей им. Н. Рериха получил от художника в дар около 300 полотен азиатской тематики, вызвавших усиленный приток посетителей.

Для дальнейшего развития научной работы в Индии Рериху была необходима американская поддержка. Она придавала институту «Урусвати» респектабельность в глазах английских властей и способствовала созданию его материально-технической базы. Поэтому при Музее им. Н. Рериха в Нью-Йорке сразу же было открыто отделение «Урусвати», которому художник пожертвовал ценнейший Канджур-Танджур – буддийский священный канон на тибетском языке, состоящий из 300 книг. Другой Канджур-Танджур, также вывезенный из Центральной Азии, остался в Кулу.

Ю.Н. Рерих довольно скоро наладил деловые связи с научными учреждениями Америки и Европы, заинтересовал их обменом научной информацией и предоставлением помощи на местах ученым, посещающим Азию. В частности, сразу же была достигнута договоренность об оказании организационной помощи сотруднику Мичиганского университета, д-ру Вальтеру Кольцу, выехавшему в долину Кулу для изучения и сбора альпийской флоры Гималаев.

Весной 1930 г., после посещения Парижа и Лондона, Николай Константинович и Юрий Николаевич были уже готовы выехать обратно в Индию, но их задержали совершенно непредвиденные обстоятельства. Позже, отмечая трехлетие работы института «Урусвати», Рерих писал: «Не забудем, что из тридцати шести месяцев существования более восьми месяцев ушло на прискорбные и совершенно ненужные трения, нанесшие глубокий как денежный, так и моральный вред» [14, 300].

Эти трения, грозившие срывом всех планов Рериха, были вызваны попыткой англичан воспрепятствовать возвращению Рерихов в Индию. Это была уже вторая акция Британского министерства иностранных дел, направленная против Рериха. Первая, *чуть* было не стоившая

жизни всем членам Центрально-Азиатской экспедиции, была предпринята зимой 1927 г., когда по требованию англичан экспедиция была задержана лхаскими воинскими подразделениями на высокогорном плато в Тибете,

Не добившись в Лондоне въездных виз в Индию, Николай Константинович и Юрий Николаевич выехали в принадлежавшую тогда Франции колонию Пондишери, где занялись обследованием местных древних погребений с урнами и саркофагами.

Только к концу 1930 г. Рерих и его старший сын попадают обратно в Кулу, где безвыездно находилась жена художника Елена Ивановна и приглашенный еще в июне 1928 г. из Риги в Индию секретарь института «Урусвати» – Владимир Анатольевич Шибаев.

По возвращении в Кулу Николай Константинович немедленно приступает к подготовке новых экспедиций как в самой долине, так и в прилегающих к Западным Гималаям областях Тибета. В 1931 г. он уже ведет экспедицию из Кулу через перевал Ротанг в Лахуль. Перевалы Западных Гималаев, да и весь Кашмир представляли для него исключительный интерес, так как через них шли пути к Средней Азии, пески которой скрывали остатки древних культур народов, общавшихся на востоке и юге с Китаем и Индией, а на западе и севере с европейскими странами и Сибирью.

В течение двух лет институтом «Урусвати» было проведено пять экспедиций непосредственно в долину Кулу и экспедиции в Лахуль, Бешар, Кангру, Лахор, Ладак и Занскар, систематизированы находки Центрально-Азиатской экспедиции, подобрана научная библиотека, богатая уникальными древними манускриптами. В музее института появились ценные ботанические, орнитологические, зоологические коллекции, возведено новое здание биохимической лаборатории.

Руководство институтом «Урусвати» было возложено на Юрия Николаевича Рериха, который и состоял его бессменным директором. Универсальные познания Ю.Н. Рериха позволяли ему следить за разнохарактерными областями научных исследований, координировать и направлять их работу.

Сам Николай Константинович, проводивший ежедневно несколько часов за мольбертом и обремененный множеством других дел, в том числе перепиской с несколькими сотнями корреспондентов, не переставал уделять институту «Урусвати» много внимания и был

его вдохновителем и идейным наставником. Большую помощь ему оказывали: жена Елена Ивановна, которая была президентом-основателем института, и младший сын – Святослав Николаевич, художник, знаток древнего искусства и местных фармакопей, хороший ботаник и орнитолог. Многогранность знаний и занятий каждого члена семьи Рерихов при их слаженном сотрудничестве и неутомимой энергии давала особенно эффектные результаты и много способствовала успеху и широкому признанию института «Урусвати» как в самой Индии, так и далеко за ее пределами.

Деятельность института опиралась на международный обмен научной информацией и ее накопление из тех первоисточников, которые предлагали сотрудникам института малоизученные области Азии. Н.К. Рерих писал по этому поводу: «Когда мы основывали институт, то прежде всего имелась в виду постоянная подвижность работы. Со времени основания каждый год происходят экспедиции и экскурсии. Не нужно отказываться от этой уже сложившейся традиции. Если все сотрудники и корреспонденты будут привязаны к одному месту, то сколько неожиданных и хороших возможностей замерзнут [...]. Нужно то, что индусы так сердечно и знаменательно называют «ашрам». Это – средоточие. Но умственное питание «ашрама» добывается в разных местах. Приходят совсем неожиданные путники, каждый со своими накоплениями. Но и сотрудники «ашрама» тоже не сидят на месте. При каждой новой возможности они идут в разные стороны и пополняют свои внутренние запасы» [6, 76].

Некоторые экспедиции института возглавлялись самим Николаем Константиновичем. Так, в 1931 г. он посетил Лахуль, в столице которого – Кейлонге – был создан филиал института «Урусвати» для регулярных летних наблюдений. В последующие годы туда обычно выезжала месяца на два Елена Ивановна.

Путевые записи Н.К. Рериха свидетельствуют, что как историк он всегда мыслил широко и стремился объяснить причины глубочайшего взаимопроникновения древних культур. В Лахуле он записывал: «В историческом и археологическом отношении край мало исследован. Картина «Менгиры в Гималаях» будет напоминать о менгироподобных камнях, утверждаемых с древнейших времен и до наших дней на горных перевалах. Обычай этот имеет несомненную связь с древними менгирами Тибета, открытыми нашей экспедицией в 1928 году,

подобными менгирам Карнака [...]. Ладак, Дартистан, Балтистан. Лахуль, Трансгималаи, часть Персии, Южная Сибирь (Иртыш, Минусинск) изобилуют разнообразными сходными в техническом отношении изображениями, невольно напоминающими скалы Богуслана и изображения ост-готовов и прочих великих переселенцев» [14, 261].

Одновременно с походом в Лахуль другая группа сотрудников «Урусвати» находилась в Ладаке, где собирала превосходные коллекции в окрестностях Леха.

Придерживаясь собственных научных концепций и неприемлемых для западных колонизаторов взглядов на ближайшее общественно-политическое развитие стран Востока, Н.К. Рерих отнюдь не игнорировал значения американских и европейских культурных и научных организаций и налаживал с ними контакты, без которых деятельности «Урусвати» грозила бы некоторая односторонность.

Например, уже первые экспедиции, проведенные силами института, позволили собрать и обработать для Мичиганского университета в США богатую этномологическую коллекцию и гербарий из 3700 единиц, представлявших около 1500 видов растительности. Для Ботанического сада в Нью-Йорке была составлена коллекция семян и собрано 3800 образцов растительного мира Гималаев. Департаменту земледелия США (Вашингтон) была послана коллекция семян, музею Гарвардского университета (Кембридж, США) – зоологическая коллекция, Национальный музей естественной истории в Париже получил около 2 тыс. образцов горных растений и коллекцию семян.

Медицинский отдел института «Урусвати» наладил сотрудничество с биохимикам» Гарвардского университета. Большой интерес вызвали переводы на европейские языки древних манускриптов по тибетской медицине и фармакопее. При участии лам-лекарей впервые был составлен атлас тибетских лекарственных растений.

Сразу же завоевали признание труды Юрия Николаевича Рериха по лингвистике и филологии. Его сотрудничество с известным знатоком тибетской литературы и местных диалектов» профессором Дарджилингского университета, ламой Лобзанг Мингюр Дордже было

особенно плодотворным. Лобзанг Мингюр Дордже подолгу оставался в Кулу для совместной с Юрием Николаевичем работы.

Тесные связи с такими светилами индийской науки, как Чандрасекар Раман, Джагадиш Чандра Бос, с такими видными представителями индийской литературы, философии, искусства, просвещения, как Рабиндранат Тагор, Обининдранатх Тагор, Асит Кумар Халдар, Сунити Кумар Чаттерджи, Рамананда Чаттерджи, Сарвапалли Радхакришнан, Свами Сананд Сарасвати, Тейджа Сингх, Дас Гупта, К.П. Тампи, Р.М. Равал и многими другими придавали институту «Урусвати» особый вес и значение в глазах западных ученых. Большую популярность деятельности института принесли и изданные в Нью-Йорке, Лондоне и Париже книги Н.К. Рериха и Ю.Н. Рериха о своих азиатских путешествиях и исследованиях.

Не удивительно, что в списках почетных советников по науке, членов- корреспондентов и постоянных сотрудников «Урусвати» скоро появились и имена таких известных западных ученых, как лауреаты Нобелевской премии А. Эйнштейн, Р. Милликен, Л. Бройль, президент Американского археологического института Р. Маггофин, знаменитый путешественник Свен Гедин, профессор института Пастера в Париже С.И. Метальников, профессор Гарвардского университета, индолог Чарльз Ланман, профессор К.К. Лозин-Лозинский (Париж), французский археолог К. Бюиссон, директор Ботанического сада в Нью-Йорке Е.Д. Меррил и многие другие.

О доверии к институту «Урусвати» и признании за ним больших научно- исследовательских возможностей свидетельствует и последняя азиатская экспедиция, проведенная в 1934-1935 гг. под личным руководством Н.К. Рериха и при участии Ю.Н. Рериха и нескольких специалистов-ботаников. Эта экспедиция была предпринята по инициативе Департамента земледелия США и имела свои специфические задания. Из-за хищнического использования земельных и лесных угодий американское сельское хозяйство несло большой урон от эрозии почв. Полное обеззеленение в некоторых районах страны влекло за собой распространение пустынь. Департамент земледелия, обеспокоенный угрожающим характером этих явлений, предложил Н.К. Рериху организовать изучение и отбор засухоустойчивой барханной растительности, которую можно было бы использовать на сожженных солнцем полях западных районов США.

В апреле 1934 г. Н.К. Рерих договорился в Нью-Йорке об условиях финансирования и оснащения экспедиции, а в мае уже направился в Маньчжурию, где экспедиция приступила к работе в районах степной Барги и западного нагорья Хинганского хребта. В 1935 г. экспедиция была переброшена в Северный Китай и исследовала предгорья Хингана и окраины пустыни Гоби. Всего Рерихом было послано в США около 2 тыс. посылок различных травяных семян, разнообразных видов засухоустойчивых трав и кустов. В Америке они испытывались и размножались на специальных плантациях, откуда и поступали в оголенные равнины западных штатов.

Кроме прямых заданий экспедиции, ее участники, как всегда, занимались археологической разведкой, сбором фольклорного и лингвистического материала. Удалось также собрать много образцов лекарственных растений, а в одном из старинных монастырей был обнаружен и переписан редчайший тибетский медицинский манускрипт.

Н.К. Рерих и Ю.Н. Рерих вернулись в Кулу в декабре 1935 г. Цели экспедиции 1934-1935 гг. не были для Рериха случайными. Актуальная для нашего времени проблема охраны природы тревожила его с самого начала столетия, а в 20-30-х годах он неоднократно выносил этот вопрос на широкое обсуждение. Он писал: «Люди, которые еще в простоте душевной полагают, что «Бог траву родит», забывают пословицу: «На Бога надейся, а сам не плошай». Когда приходится видеть систему орошения египетских пустынь, мне всегда приходит мысль: как сравнительно мало нужно сделать, чтобы, казалось бы, мертвая поверхность опять зацвела! И в этом смысле каждый, как специалист, так и доброжелательный обыватель, одинаково должны сойтись, чтобы помочь целым странам. И в этой помощи будущим поколениям будет одно из тех безымянных благодеяний, которыми держится бытие [...]. Да, нужно уметь беречь не только рукотворные ценности человечества, но и простирать ту же заботливость и ко всем истинным источникам жизни. Потому оживление пустынь как в своем буквальном значении, так и в переносном, духовном понимании является благородной задачей человечества. Да процветут все пустыни!» [11].

Успешная деятельность института «Урусвати» превратила его в одно из крупных научных учреждений Индии. Институт сотрудничал со многими научными организациями стран Европы и Америки. Обменивался публикациями с 285 институтами, университетами, музеями, библиотеками, научными обществами. Выпускался ежегодник «Журнал Института гималайских исследований Урусвати». Многие научные учреждения различных стран стремились получить это издание. Статьи, содержащиеся в нем, затрагивали важнейшие проблемы, связанные с рядом ведущих научных дисциплин. В журнале публиковались материалы по археологии, геологии и т.д. Большой раздел журнала был посвящен отчетам и дневникам регулярно проводившихся экспедиций. В этой связи необходимо отметить, выдающуюся роль Ю.Н. Рериха, которую он сыграл в научной работе института и его публикациях. Статьи Ю.Н. Рериха занимали значительное место в журнале «Урусвати». Им были опубликованы ценнейшие работы, такие, как «Проблемы тибетской археологии», «К изучению Калачакры», «Тибетский диалект Лахуля» и т.д. Отдельными изданиями вышли такие важные работы Юрия Николаевича, как «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета», где он проследил контакты различных культур и цивилизаций. «По тропам Центральной Азии», в основу которой легли его дневники во время Центрально-Азиатской экспедиции.

Публиковались и монографии сотрудников. Среди них важнейшее место занимала серия «Tibetica», посвященная древностям Тибета, создателем которой был Ю.Н. Рерих.

Работая в качестве директора института и будучи его ведущим сотрудником, Юрий Николаевич оказал огромное влияние на организацию и развитие разнообразных исследований. Он первый произвел ряд археологических раскопок в Кулу и прилегающих областях индийских Гималаев. В Лахуле он обнаружил три типа древних погребений, по преданию принадлежавших пришельцам с севера. В погребениях нашли человеческие останки, этническую принадлежность которых трудно было установить, железные изделия и керамику. Как археолог и этнограф Ю.Н. Рерих всегда стремился проследить взаимные влияния различных культур. Так, изучая резьбу по дереву лахульских горцев, он отмечал, что «некоторые орнаменты

любопытно напоминали одну из нордических резб по дереву» [17, т.2, 150].

В Кулу, Лахуле, Спити Ю.Н. Рерих собрал ценнейшую этнографическую коллекцию и провел лингвистическое обследование Лахуля. В старинных буддийских монастырях ему удалось собрать уникальную коллекцию тибетских рукописей и книг. Вместе с этим Ю.Н. Рерих упорно трудился над созданием тибето-санскритско-русско-английского словаря, макет которого впоследствии был передан им Институту востоковедения АН СССР. Вся эта деятельность Юрия Николаевича снискала ему мировое признание в востоковедных кругах.

В формировании его как ученого важнейшую роль сыграли постоянное сотрудничество с отцом и работа в институте «Урусвати». Николай Константинович Рерих рано начал готовить своего старшего сына к востоковедной деятельности. Еще в Петербурге, в гимназические годы Юрий Николаевич учился у знаменитого русского египтолога Б.А. Тураева и монголоведа А.Д. Руднева. В 1919-1923 гг. он обучался в Школе восточных языков Лондонского университета, затем в Гарвардском университете и Школе восточных языков при Сорбонне (Париж). К двадцати двум годам он получил степень бакалавра по отделению индийской филологии и звание магистра индийской филологии.

Когда в конце 1923 г. Юрий Николаевич приехал в Индию, он был уже хорошо подготовленным индологом, тибетологом, тюркологом и иранистом. Путешествие по обширным неисследованным районам Азии, многогранные интересы отца, его связи и организаторские способности открыли перед молодым ученым такие возможности и такое поле деятельности, которые редко кому представляются. И эти возможности Юрий Николаевич блестяще использовал.

Весьма плодотворной была работа института и в области естественных наук. Регулярно проводившиеся экспедиции значительно расширили наши знания об одном из районов Гималайских гор. Собранные во время экспедиций коллекции – ботанические, зоологические, палеонтологические, геологические, орнитологические – представляли научный материал огромной ценности.

Сотрудники института регулярно участвовали в международных научных конгрессах. Скоро уже не сам институт, а другие научные

учреждения Европы и Америки стали искать контакты с «Урусвати». Предлагали сотрудничать в организации разного рода экспедиций, в области изучения раковых заболеваний, интересовались переводами тибетских трактатов, посвященных древней медицине. Настойчиво добивались сотрудничества с институтом в долине Кулу Парижский госпиталь и Парижский национальный музей,

Американская ассоциация медицинских колледжей, разного рода востоковедные научные учреждения.

Однако, несмотря на это, институт испытывая большие затруднения. Причина крылась в самом обычном обстоятельстве – в отсутствии средств. Их поступление носило спорадический характер и зависело от финансовых возможностей сотрудничающих с «Урусвати» научных и культурных учреждений, от единовременных частных или общественных субсидий, от издательской деятельности. В начале 30-х годов западные страны были охвачены жесточайшим экономическим кризисом. Суммы для обеспечения бесперебойной работы института получить было все труднее. Подчас приходилось довольствоваться только личными доходами Н.К. Рериха с продажи картин, а этого, конечно, не могло хватить для научно-исследовательской деятельности целого коллектива ученых.

В 1938 г. Николай Константинович с болью писал: «Пресеклись средства. Одними картинами не удастся содержать целое научное учреждение. Давали все, что могли, а дальше и взять негде. Между тем, общий интерес к Гималаям все возрастает. Ежегодные экспедиции направляются сюда со всех концов мира. Новые раскопки раскрывают древнейшие культуры Индии. В старых монастырях Тибета обнаруживаются ценнейшие манускрипты и фрески. Аюрведа опять приобретает свое прежнее значение, и самые серьезные специалисты опять устремляются к этим древним наследиям. Стоит лишь вспомнить, какие интересные исследования произвел д-р Бернард Рид, доказавший, что основы древнейшего письма близки нынешним открытиям. Все есть, а денег нет» [9, 125].

На третьем томе пришлось прекратить издание ежегодника «Урусвати». В 1935 г. американский бизнесмен Луи Хорш путем обманных махинаций с акциями присвоил здание музея им. Н. Рериха в Нью-Йорке со всем его имуществом. Это усугубило и без того трудное финансовое положение института. Однако деятельность его не

только не прерывалась, но в некотором направлении даже форсировалась Н.К. Рерихом. Ему необходимо было установить связи с советскими научными организациями, которые могли бы оказать содействие при уже конкретно намеченном сроке возвращения русского художника и ученого в Советский Союз. В «Листах дневника» Рерих отмечает: «В 1926 году было уговорено, что через десять лет и художественные, и научные работы будут закончены. С 1936 года начались письма, запросы. Г.Г.Ш. [3] извещал, что Суриц [4] предложил пожертвовать для музеев четыре картины. Наше французское общество писало Верховному совету о Пакте [5]. Писали в Комитет по делам искусства. Посылали книги. Ждали вестей» [там же, 245].

После провалившихся попыток не допустить Рериха в Индию в 1928 и 1930 г.г. англичане установили за ним неусыпное наблюдение. Дело доходило даже до поисков в Кулу нелегальной радиопередаточной станции и запросов в США с просьбой о расследовании «политической благонадежности» культурных организаций, возникших там по инициативе Рериха и его ближайших сотрудников.

Благожелательное отношение к Советскому Союзу, статьи об экономических и культурных достижениях его народов, горячий патриотизм Рериха, а также его дружба с лидерами освободительного движения в Индии вызвали подозрения у английских властей. Поэтому Николай Константинович вынужден был вести себя сугубо осторожно. Прямая переписка с советскими учреждениями, даже получение из Советского Союза научных изданий были крайне затруднены и грозили самыми нежелательными последствиями.

Поэтому Рериху приходилось прибегать к помощи третьих лиц, проживавших в основном в Париже и Прибалтике. Во второй половине 30-х годов особые надежды Николай Константинович возлагал на Прибалтику, возможно, пытаясь использовать ее в качестве промежуточного плацдарма при возвращении на родину. В письме от 26 августа 1936 г. он предупреждает председателя рижского музея им. Рериха: «Досмотрите, чтобы о Шв. [6] сейчас ничего дурного не писалось в связи с нами» [10], а в письме от 24 августа 1938 г. выражает желание переслать из Индии в Ригу свои архивы и просит сообщить о возможности их размещения в музее.

В 1937 г. в «Урусвати» обращается с рядом вопросов известный советский биолог и генетик Николай Иванович Вавилов. Между ним и Святославом Николаевичем, изучавшим растительный мир Гималаев, состоялся обмен письмами, в результате которого в Ботанический сад Академии наук СССР были посланы семена редких злаков. Как для переписки, так и для транспортировки посылок опять-таки приходилось прибегать к содействию членов правления Музея им. Рериха в Риге Р.Я. Рудзитиса и Г.Ф. Лукина. Однако, несмотря на риск, Рерих пытался установить и прямые связи с советскими учеными и организациями. Так, в письме к Р.Я. Рудзитису от 15 января 1938 г. он сообщает: «Мы получили из того же учреждения, где Вав[илов], запросы о семенах и пошлем их непосредственно. Нет ли у Вас новостей в этих направлениях, расписок и тому под.?» [там же].

Рижский Музей им. Рериха в 1939 г. выпустил альманах «Мысль», а в 1940 г. «Литературные записки», в которых наряду с патриотическими статьями самого Николая Константиновича были помещены статьи советских авторов и опубликованы различные данные об экономических и культурных достижениях в Советском Союзе.

Сложнейшая политическая обстановка перед началом второй мировой войны тормозила многое, что было предпринято Н.К. Рерихом, она же оказывала отрицательное воздействие на его усилия по установлению регулярной связи с советскими научными организациями и затрудняла подготовку к его возвращению в СССР.

Война, вспыхнувшая в 1939 г., не замедлила губительно сказаться на работе института «Урусвати». Уже в июле 1940 г. Н.К. Рерих, предвидя его неминуемую консервацию, записал в «Листах дневника»: «Сперва мы оказались отрезаны от Вены, затем от Праги. Отсеклась Варшава [...]. Постепенно стали трудными сношения с Прибалтикой. Швеция, Дания, Норвегия исчезли из переписки. Замолк Брюгге. Замолчали Белград, Загреб, Италия. Прикончился Париж. Америка оказалась за три девять земель, и письма, если вообще доходили, то плавали через окружные моря и долго гостили в цензуре. Вот и в Португалию уже нельзя писать. На телеграмму нет ответа из Риги. Дальний Восток примолк. Из Швейцарии Шауб Кох еще двадцатого мая просил срочно прислать материалы для его книги. Но и Швейцария уже оказалась заколдованной страной. Всюду нельзя. И на

Родину невозможно писать, а оттуда запрашивали о травах. Кто знает, какие письма пропали? [...]. Грустно видеть, как события обрубают все ветви работы. И не вырасти новым побегам на старых рубцах. Будет что-то новое, но когда?» [9, 200].

Николай Константинович Рерих так и не получил ответа на этот вопрос. 13 декабря 1947 г., в самый разгар послевоенных сборов на родину, счет его земным дням оборвался. Тем не менее, начинания, которые он сам не успел завершить, далеко не исчерпали своих возможностей.

Значительная часть художественного и литературного наследия Н.К. Рериха, согласно его посмертной воле, была привезена на Родину, получила широкое признание и продолжает служить гуманным идеалам нового человеческого общества, в победу которого всегда неуклонно верил Николай Константинович.

Научные взгляды на значение Востока в прошлом и будущем человечества, которые разделял Рерих, давно уже заняли прочное место в нашем востоковедении, а сотрудничество между советскими учеными и учеными стран Востока, в том числе Индии, полностью оправдало его смелые прогнозы.

Между тем, научная деятельность Николая Константиновича, отважного путешественника, впервые проложившего прямые пути между Россией и Индией через Центральную Азию, все еще недостаточно освещена. Институт «Урусвати», прекративший свою работу в 1939 г., как был, так и остается в законсервированном состоянии. Н.К. Рерих не успел распорядиться его судьбой при жизни, как сделал это со своим художественным наследием, отобрав для отправки в Советский Союз свыше 400 картин, которые и привез с собой в 1957 г. его сын Юрий Николаевич. Возвращение его на родину имело большое положительное значение для нашего востоковедения.

Юрий Николаевич Рерих проработал у нас лишь два с половиной года. Его преждевременная кончина в 1960 г. была воспринята как тяжелая потеря для отечественного и мирового востоковедения. Святослав Николаевич Рерих передал привезенную братом из Индии библиотеку в распоряжение Института востоковедения АН СССР, где на ее базе был организован научный кабинет им. Ю.Н. Рериха. Это позволило сотрудникам и ученикам Юрия Николаевича успешно продолжать начатую им работу. Однако многое, что намечал и мог бы с

пользой для отечественного востоковедения сделать Ю.Н. Рерих, осталось неосуществленным. Среди этого едва ли не первостепенное значение имеет дальнейшая судьба научных материалов и исследований института «Урусвати».

* * *

Одному из авторов этой статьи – Л.В. Шапошниковой – весной 1972 г. довелось побывать в Кулу и при содействии Святослава Николаевича Рериха подробно ознакомиться с положением дел на месте. По-видимому, здесь мало что изменилось после смерти основателя института «Урусвати». Только к вилле Рерихов и зданиям института пролегла узкая асфальтированная дорога. В те далекие годы снизу в горный поселок Наггар приходилось добираться на лошадях. О прошлом еще напоминают ставшие ненужными керосиновые лампы. По вечерам окна виллы светятся теперь электрическим светом. Такие же огоньки мерцают и внизу по всей долине.

Каждый день к дому Рерихов поднимаются группы экскурсантов, тех, кто проводит жаркий сезон в Кулу, шумные компании студентов. Они останавливаются у ворот виллы и робко спрашивают, здесь ли находится галерея картин Николая Рериха. Их встречает седой, неизменно приветливый, сын художника и сам художник, Святослав Николаевич Рерих. Он ведет посетителей в комнаты первого этажа, где по стенам развешаны гималайские этюды его отца. Люди подолгу стоят у этих картин, удивляются, что они написаны русским, а потом спускаются вниз по склону к серому камню, на котором высечены слова: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, соответствующего 15 декабря 1947 года. ОМ РАМ».

Чуть выше виллы стоит деодаровая роща. Вместе со Святославом Николаевичем поднимаемся по тропинке, вьющейся по некрутому склону. Метров через пятьсот мы оказываемся на небольшой площадке, поросшей ярко-зеленой травой. Здесь стоят два здания Гималайского института научных исследований. На одном из них еще сохранилась вывеска. «Урусвати» – коротко гласит надпись.

– Весь этот склон и роща, – говорит Святослав Николаевич, – принадлежит институту. Всего двадцать акров земли, которую мой

отец, Николай Константинович, отдал для этой цели. Вот в этом доме, – Святослав Николаевич показал на первый из них, – работали и жили зарубежные сотрудники института, а в следующем размещались индийские ученые.

Чуть в стороне, ниже по склону, виднеется груда камней, бывшая, очевидно, когда-то фундаментом. Оказывается, там стоял дом, в котором жили тибетские ламы, помогавшие Юрию Николаевичу Рериху в его исследованиях.

Мы начали осмотр домов, Шаги гулко отдавались в пустых помещениях. Комнаты тянулись одна за другой. В одном из помещений мы остановились перед дверью. На ней висел массивный замок. Заржавевший механизм замка долго не поддавался. Наконец, он со скрипом открылся. Мы толкнули дверь и оказались в большом зале. Свет с трудом пробивался сквозь плотно закрытые ставни. Когда глаза привыкли к этому сумеречному полумраку, можно было увидеть повсюду стоящие ящики. Они громоздились друг на друге. Ящиков было много, и толстый слой пыли покрывал их. По стенам стояли застекленные шкафы.

– Наши коллекции, – коротко бросил Святослав Николаевич.

Выяснилось, что здесь хранились коллекции, частично оставшиеся от Центрально-Азиатской экспедиции, и коллекции, собранные экспедициями самого института. Богатейший научный материал, к которому несколько десятков лет не прикасалась рука ученого. В застекленных шкафах и ящиках находилась ценная этнографическая и археологическая коллекция. Орнитологическая коллекция насчитывала около 400 видов редчайших птиц, некоторые из них сейчас уже исчезли. Ботаническая коллекция полностью представляла флору долины Кулу. Геологическая – содержала немало редких минералов. Тут же были и зоологическая, фармакологическая, палеонтологическая коллекции.

Мы проходим в следующее помещение, по стенам которого тянутся полки с книгами. Библиотека насчитывает четыре тысячи томов. Кроме книг, в распоряжении Святослава Николаевича находится рукописный архив Рерихов, который ждет своих исследователей.

В одном из зданий мы обнаружили остатки оборудования биохимической и физической лабораторий. Книги уже давно никто не

снял с полок, лабораторным оборудованием ее пользовался...

Но, тем не менее, все это не производило тягостного впечатления запустения и упадка. Казалось, что люди только недавно покинули эти стены, какими-то не зависящими от них обстоятельствами неожиданно и внезапно оторванные от интересной работы. Они успели только упаковать коллекции и закрыть на замки двери библиотеки и лабораторий. Много лет назад Николай Константинович Рерих писал: «Урусвати – Гималайский институт научных исследований начался в 1928 г. под самыми хорошими знаками» [9, 124].

Может быть, действительно эти знаки были хорошими? И может быть, наступит время, когда откроют ящики с коллекциями и шкафы с книгами, расставят по своим местам беспорядочно сложенное лабораторное оборудование и ныне пустые комнаты наполнятся звуками шагов и голосами? А в институте, основанном нашими соотечественниками, начнут работать те, для кого, собственно, все и создавалось, – индийские и русские ученые.

[1] Статья была опубликована в сборнике «Страны и народы Востока», вып. XIX, 1977 г.

[2] Дата принята согласно указаниям самого Н.К. Рериха [14, 229]. В публикациях фигурируют и иные даты: 12 июля 1928 г. [18, 88] и 1929 г. [16, 262]. Последняя датировка, по-видимому, связана с началом деятельности института в долине Кулу.

[3] Г.Г.Ш. – Г.Г. Шклявер, секретарь французского общества им. Рериха.

[4] Я.З. Суриц – посол Советского Союза во Франции (1937-1940).

[5] Речь идет о Пакте Рериха по охране культурных ценностей при вооруженных столкновениях.

[6] Ввиду того, что переписка Рериха подвергалась цензуре, он не употреблял в письмах слов: Россия, Советский Союз, заменяя их словами: Швейцария, Шв. Москва в переписке с Прибалтикой превращалась в Стокгольм или Центральный город.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов П.Ф. Николай Рерих в Индии, «Страны и народы Востока», выл. XIV, М., 1972.

2. Беликов П.Ф., Князева В.П. Рерих. М., 1972 («Жизнь замечательных людей»).
3. Зарницкий С., Трофимова Л. Путь к Родине. «Международная жизнь», М., 1965, №1.
4. Окладников А., Беликов П., Маточкин. Е. Рерих – исследователь Азии. «Сибирские огни», 1974, № 10.
5. Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. М., 1974,
6. Рерих Н.К. Врата в Будущее. Рига, 1936.
7. Рерих Н.К. Держава света. Нью-Йорк, 1923.
8. Рерих Н.К. Зажигайте сердца. М., 1975.
9. Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974.
10. Рерих Н.К. Письма к Р.Я. Рудзитису. Архив Г.Р. Рудзитис. Рига.
11. Рерих Н.К. Пусть процветут пустыни. «Рубеж». Харбин, 1935, № 43.
12. Рерих Н.К. Пути благословения. Рига. 1924.
13. Рерих Н.К. Сердце Азии, Нью-Йорк, 1929.
14. Рерих Н.К. Твердыня пламенная. Париж, 1932.
15. Рерих Ю.Н. Избранные труды. М., 1967.
16. Рерих Ю.Н. Экспедиция академика Н.К. Рериха в Центральную Азию. «Вопросы географии». М., 1960, сб.50,
- 16а. Рериховские чтения. Материалы конференции. Новосибирск, 1976.
17. Journal of Urusvati Himalayan Research Institute of Roerich Museum, vol.1-3, 1931-1933.
18. Roerich Museum: Decade of Activity 1921-1931. New York, 1931.
19. Roerich G.N. Sur les pistes de l'Asie Centrale. Paris, 1933.
20. Roerich N. Trails to Inmost Asia. London, 1931.
21. Roerich N. Altai Himalaya. New York, 1929.
22. Roerich N. Altai Himalaya. London, 1930.
23. Roerich N. Heart of Asia. New York, 1930.
24. Roerich N. Himalayas – the Abode of Light. Bombay, 1947.
25. Roerich N. Himavat. Allahabad, 1947.
26. Roerich N. Shambala – the Resplendent. New York, 1930.
27. Roerich S. Art in the Kulu Valley. Bombay – Kulu, 1967.

ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ

ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ

В Париже весной для меня была радость.

В Музее Чернуского открыта выставка предметов восточного искусства из частных собраний. Сама по себе выставка очень интересна. Вещи выбраны со вкусом и знанием. Превосходны разные живописные и лепные священные изображения Индии» Цейлона, Сиамы, Японии, Индо-Китая.

Не пройти равнодушно мимо эпических красок, мимо чернолаковой бронзы, мимо цветистой и великолепной космогонии.

Но на выставке было и другое, для нас, русских, уже особо значительное. За эту радость я очень благодарен моему другу В.В. Голубеву.

Уже давно мечтали мы об основах индийского искусства. Невольно напрашивалась преемственность нашего древнего быта и искусства от Индии. В интимных беседах часто устремлялись к колыбели народной, а нашего славянства в частности.

Конечно, могли говорить нам: мечты неосновательны, предположения голословны, догадки полны личных настроений. Нужны были факты.

И вот теперь В.В. Голубев (живущий почти всегда в Париже), наконец, начал большое дело. Начал это дело так умело, так прочно, что можно, по моему убеждению, ждать крупных достижений.

Если дело пойдет так, как начато, то Голубев создаст себе возможность первому от русской жизни пройти по новому направлению к истокам индийского искусства и жизни.

В.В. Голубев снарядил экспедицию в Индию. Были всякие трудности. Несколько участников погибло от жары и лихорадки, но зато были привезены снимки и предметы и, главное, наблюдения, которым должен радоваться каждый русский.

На выставке Музея Чернуского ожидал меня Голубев, и то, что он показал и рассказал мне, было так близко, так нам нужно и так сулило новый путь в работе, что оба мы загорелись радостью.

Теперь все догадки получали основу, все сказки становились былью.

Обычай, погребальные «холмы» с оградами, орудия быта, строительство, подробности головных уборов и одежды, все памятники стенописи, наконец, корни речи – все это было так близко нашим истокам. Во всем чувствовалось единство начального пути.

Ясно, если нам углубляться в наши основы, то действительное изучение Индии даст единственный материал. И мы должны спешить изучать эти народные сокровища, иначе недалеко время, когда английская культура сотрет многое, что нам так близко.

Обычай вымирают, быт заполняется усовершенствованиями, гробницы и храмы оседают и разрушаются.

Голубев, чуткий к искусству, взял в этом изучении верный путь. Не путь отшельника-ученого, летописца для будущих веков, а путь повествователя на пользу и сведение всем, кому дороги искусство и скованная им жизнь.

Мы поняли значение византийских эмалей. Мы поняли, наконец, и ценность наших прекрасных икон. Теперь иконы уже вошли в толпу, и значение их укреплено. Через Византию грезилась нам Индия: вот к ней мы и направляемся.

Не надо пророчествовать, чтобы так же, как об иконах, сказать, что изучение Индии, ее искусства, науки, быта будет ближайшим устремлением.

Нет сомнения, что эти поиски дадут отличные последствия. Но, повторяю, надо спешить. Надо не упустить многие последние возможности.

Вот почему считаю, что дело, начатое В.В. Голубевым, должно нас радовать чрезвычайно.

Надо знать, что за первую экспедицией решена и вторая. В будущем у Голубева растут планы, о которых я еще не могу говорить.

Пусть Голубев сам подробно ознакомит нас со своими выводами и планами. Жаль, если французы с их верным чутьем скорее нас поймут значение работы Голубева.

Желаю нашей Академии наук вовремя еще серьезнее обратить внимание на эти работы.

Желаю В.В. Голубеву всякой удачи и жду от него бесконечно многозначительного и радостного.

К черным озерам ночью сходятся индийские женщины. Со свечами. Звонят в тонкие колокольчики. Вызывают из воды священных

черепаш. Их кормят. В ореховую скорлупу свечи вставляют. Пускают по озеру. Ищут судьбу. Гадают.

Живет в Индии красота.

Заманчив Великий Индийский путь.

1913

Н.К. Рерих. Зажигайте сердца. М., 1975

ИНДИЯ

Индия всегда была, есть и будет страной сказочной и чудесной. Неисчерпаемость возможностей индийских сказывается в ее противоположностях, тех крайностях, которые высекают вечный созидательный огонь борений, исканий и достижений. Много сходства с российскими равнинами и возможностями. Путешественники замечают это. Сами индусы чувствуют себя на Руси, как дома, и русские в Индии тоже... Замечателен исторический факт появления Долгорукого при дворе Акбара и его особое значение, от верхов подобных Тагору, Джагадиш Боше, Даянанду Сарасвати, Рамахун Рою и до самых незаметных бродячих садху всюду найдется глубокое мышление. Древние веды, прекрасная Бхагават Гита, Упанишады и всевозможные пураны дают огромную конденсацию мысли. Не забудем, что в письменную форму все эти памятники облеклись после многих веков устного пересказа.

Один лик Индии, доступный спешащим путешественникам, явит базары, караваны и насыщенную уличную жизнь, в которых, как справедливо заметил еще недавно один русский приезжий, можно видеть подлинный античный мир Сирии и Месопотамии. Но за этим пестрым ликом выдвигается и другой лик – великий, выросший на пещерах Элефанты, Аджанты, Эллары. О нем же скажут и буддийские реликвии, и Сарнат, и Бодхигая, и цейлонская Анурадхапура, и Канди, и множество других памятников, которые удостоверяют, какая мощная энергия была заложена около них.

В Индии так же, как и на российских равнинах, вы никогда не знаете, когда встретите наиболее значительного путника. Много странников – сразу не рассмотрите, кто из них несет в себе большую думу и прекрасную весть. Мы сами встречали поразительных в своем

разнообразии путников. Нередко богатые караваны тибетских гешэ не давали новой пищи, которая нежданно проявлялась и была приносима самым невзрачным по виду, оборванным ламою. Западная пословица «по одежде встречать, по уму провожать» в Азии трудно приложима. Нельзя встречать по одежде, но по огню глаз, пламенеющих мыслью. Прекрасна Индия.

1937

Н.К. Рерих. Зажигайте сердца. М., 1975

ИНДИЯ

От самого детства наметилась связь с Индией. Наше имение «Извара» было признано Тагором как слово санскритское. По соседству от нас во времена екатерининские жил какой-то индусский раджа, и до последнего времени оставались следы могольского парка. Была у нас старая картина, изображавшая какую-то величественную гору и всегда особенно привлекавшая мое внимание. Только впоследствии из книги Брайана Ходсона я узнал, что это была знаменитая Канченденга. Дядя Елены Ивановны в середине прошлого столетия отправился в Индию, затем он появился в прекрасном раджпутанском костюме на придворном балу в Питере и опять уехал в Индию. С тех пор о нем не слыхали. Уже с 1905 года многие картины и очерки были посвящены Индии. «Девассари», «Лакшми» (в «Весах»), «Индийский путь» (по поводу поездки Голубева), «Граница царства», «Кришна», «Сны Индии» – все это было написано еще до поездки в Индию, так же, как «Гайатри» и «Города пустынные». С 1923 года мы были уже в Индии, и с тех пор все познание Индии, любовь к ней и многие дружеские отношения возросли. Еще в 1920 году в Лондоне нас посетил Рабиндранат Тагор и звал в Индию. После этого в «Модерн ревью» в Калькутте появилась большая статья о моем искусстве. Это было как бы введением в Индию, Елена Ивановна уже давно знала книги Рамакришны и Вивекананды и любила их.

С 1923 года мы объехали главные достопримечательности Индии, начиная с Элефанта, Агры, Фатехпур Сикри, Бенареса, Сарнатха, побывали в ашрамах Рамакришны, в Адьяре, в Мадуре, на Цейлоне и всюду нашли сердечное, приветливое отношение. Установились связи

не только с семьей Тагора, но и со многими представителями философской мысли Индии – Свами Рамдас, Шри Васвани, Свами Омкар, Свами Джаганишварананда, Шри Свами Сададанд Сарасвати. Сблизились с Джагадиш Боше, завязались переписки с Анагарикой Дхармапалой, с Рамананда Чаттерджи, с Сунити Кумар Чаттерджи, с Рамапом. Скрепилась дружба с художниками Асит Кумар Халдар, Бирешвар Сен, с художественными писателями Ганголи, Мехта, Басу, Тандан, Баттачария, Чатурведи, Равал, Кунчитапатам, Тампи, Сиривардхана... Боше институт, Королевское азиатское общество, Махабодхи, Нагари Прачарини Сабха, Индийское общество восточных искусств избрали почетным или пожизненным членом. По предложению Рай Кришнадаса устроили отдельный зал, а затем Траванкорское правительство при содействии Дж. Кезанса приобрело целую группу картин для своей государственной галереи Шри Читралайям, и в других махараджествах Индии предложения устроить выставки. Гайдерабад, Майсор... Трогательно было получать с разных концов Индии просьбы прислать напутственно-приветственные статьи индусским организациям: конгресс Махасабха, федерация студентов в Дели, бойскауты, Махабодхи, Стра-Дхарма, Школа Миры... Предисловия к книгам – Фахтулла-хан, Тежа Сингх, Моханлал Кашиап, Бхану Синг, Гупта... Не забуду встречи со «строителем нового Карачи» Джамшел Нуссерванджи. Индия радушно приняла наш институт. Сердечный привет Индии.

1937

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М., 1974

ДРУЖЕСТВО

Жаль, что в Индии нет оперного театра. Среди взаимных знакомлений нужно бы дать в Индии несколько русских опер. Будут оценены «Снегурочка», «Царь Салтан», «Золотой Петушок», «Руслан и Людмила», «Садко»... Прежде всего доходчива будет «Снегурочка». Лель – тот же Кришна Лила. Снегурочка и Купава – Гопи. Царь Берендей будет близок. Праздник Солнца всем ведом. Островский сумел затронуть лад утонченный и возвышенный. Но и перевод текста

должен быть хорош. Очарование сказки нужно сохранить. Где тот, кто в состоянии отобразить в чужом языке певучесть русского языка?

Нужно, нужно и здесь показать полностью русское художество, глубину души народа русского. Оценен будет Римский-Корсаков. В широком размахе надо открыть ворота искусства. Только на этом пути вырастает истинное братство народов.

В песне – душа народа. Самые лучшие, самые исконные лады не стареют. Народ хочет возвысить сознание свое в истоках искусства. Творчество часто налаживается под песню. Труд освещен песнею. И друзья народа хотят знать пути прекрасные, на которые складывался облик сердечный и доброжелательный.

В свою очередь, Индия имеет столько показать на Москве. И постановки из «Махабхараты», и драмы Калидаса, и диалоги Асвагоши, и многие танцы, и театр из сокровищницы Тагора – мало ли что! Дружество должно быть питаемо. Все или растет и множится или тускнеет и отцветает. Ведь и вековая мудрость должна облекаться в новые формы. Об этом хорошо говорит пандит Неру – наследник Ганди. Индия проходит великие дни. Святослав пишет портрет Неру.

И русский народ получает огненное озарение. Много трудов везде. Опасности учат новым достижениям. Отмирают некие народы, и на смену им крепнут и закаляются молодые силы. В духовной молодости выживут и преодолеют испытания. Ковка меча, которым срубят иссохшие, отжившие ветки. Истоки человечества темны.

Тем ценнее глубокие связи народов, несказуемые, но ощутимые. Каждый росток искреннего содружества нужно хранить во имя будущего сотрудничества. Хранить, беречь, растить.

Санскрит и русский язык, сколько в них общего!

1942

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М., 1974

РУСЬ – ИНДИЯ

Не удивительно, что в песнях и в гаданиях цыган слышится много санскритских слов: – ведь цыгане – выходцы из Индии. Гораздо удивительнее, что в песнях русских сектантов сказывались целые санскритские песнопения, хотя и в очень искаженном виде. Откуда?

Конечно, в Баку с древних времен был Храм вечного огня, при котором всегда жили индийские садху. Это был храм большого огня, а такой же – малого огня – был и доселе существует здесь, в Кангре. Значит, с давних пор были какие-то связи.

В Астрахани и в Поволжье жили индусы. Даже от них пошли некоторые обрусевшие роды. При Екатерине индусский раджа – в Яблоницах. Сказание об Иосифе, царевиче индийском. Беловодье. Множество санскритских корней в русском языке. Афанасий Тверитянин в Индии. Долгорукий при Акбаре.

Если поискать да прислушаться непредубежденно, то многое значительное выступает из пыли и мглы. Нужно, неотложно нужно исследовать эти связи. Ведь не об этнографии, не о филологии думаем, но о чем-то глубочайшем и многозначительном. В языке русском столько санскритских корней. Кое-какие ответы на такие вопросы имеются, но ведь они разрознены и случайны и забыты в пыли неведомых полок библиотечных.

Пора русским ученым заглянуть в эти глубины и дать ответ на пытливые вопросы. Трогательно наблюдать интерес Индии ко всему русскому. В нем не только доверие к русской мощи, но и нечто родственное. Такой журнал, как «Новости Советского Союза», широко расходуется и ждется в самых неожиданных уголках Индии.

Тянется сердце Индии к Руси необъятной. Притягивает великий магнит индийский сердца русские. Истинно «Алтай – Гималаи» – два магнита, два равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских.

Дело не в политике, а в живых душевных человеческих отношениях. Не прочны швы политические, то и дело лопаются и являют отвратительные прорехи. Другое дело прочные сердечные узы. Чем древнее они, тем они краше.

Красота заложена в индо-русском магните. Сердце сердцу весть подает.

В каких горах жил Святогор?

1944

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М., 1974

ЗНАМЕНОСЦЫ

Уже до войны писал я и Щусеву и в Комитет по делам искусств о желательности устройства русской выставки по Индии. Была выставка военных русских плакатов, но хотелось бы выставку вообще русского искусства. Хотя бы не тяжелые для транспорта вещи, но достаточно показательные для достижений наших художников. Выставка такая была бы встречена сердечно.

Скажут, не теперь, а когда-то после войны. А почему бы и не теперь? Приезжают же в Индию и ботаники, и энтомологи, а ведь культурно-художественные связи не менее важны и неотложны.

Путь через Иран уже достаточно выяснился, да и не много места потребовалось бы для сотни-другой небольших вещей в легких рамах. Индия ответила бы со своей стороны.

Кроме выставки, могла бы прибыть научная археологическая и этнографическая экспедиция. Материал для нее – неисчерпаемый. Много уже исчезает постепенно, изживается. Но все же поразительны всякие аналогии. А красота, красота-то какая!

Не следует откладывать. Что еще возможно сейчас, может быть невозможно завтра. По петровскому завету: «Промедление смерти подобно». Если русские ученые и деятели других областей уже приезжают в Индию и подолгу работают здесь, то почему же художники – эти знаменосцы народа – медлят?

Вот и сейчас в Индии находится Иранская культурная миссия. Много ценных постановлений уже сделано – обмен учеными, обмен трудами и фотоснимками. Университеты приветствовали иранских собратьев, и много сердечных слов было сказано об укреплении культурной связи Ирана и Индии. Китайские культурные миссии уже побывали в Индии.

Такие же благотворные связи могут быть закреплены между Индией и Русью. Все условия благоприятствуют. Не отложим то, что во благо может быть теперь же выполнено. Вот АРКА – Американско-русская культурная ассоциация отлично действует, и ВОКС помогает ей многими материалами. ВОКС мог бы и в Индии помочь своим воздействием. В Тегеране уже имеется Общество культурной связи, и, наверно, получается большая обоюдная польза. И затраты невелики, а следствия безмерно покроют их. Юрий и Святослав с их глубокими знаниями Индии и всего Востока были бы незаменимыми деятелями в

такой ИРКА. Неистощимы научные и художественные материалы. Сердце Индии готово принять знаменосцев русского народа.

1944

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М., 1974

ИНДИЯ

Королевское азиатское общество в Бенгале обратилось к Юрию с предложением сделать во время юбилейных празднеств доклад о сношениях Индии и России. Именно Юрий может сказать авторитетно на эту тему. У него собран богатейший материал. Как истинный историк он умеет говорить беспристрастно, а это сейчас редко встречается. Кроме обширного научного, имеется литературный и художественный материал, доказывающий, как издавна открыто было русское сердце к красоте Индии.

Переводы Жуковского «Наль и Дамаянти», «Бог и баядера», Бальмонта – «Асвагоша», «Сакунтала», Балтрушайтиса – «Бхагават Гита» и «Гитанджали» Тагора, «Садхана» и другие произведения поэта широко читались в русских просторах. Мои «Лакшми Победительница», «Девассари», «Гайатри» появились в московских «Весах» и в других изданиях. «Индийский путь» оказался как бы предвестником волны внимания к Индии.

По Руси восторженно читалось «Провозвестие Рамакришны» и пламенные книги Вивекананды. Во время построения буддийского храма и мечети (доказавших широту воззрения народа русского) возникла мысль о перевозке в Питер древнего индусского храма. Этот эпизод должен быть отмечен. Из своей последней поездки в Индию Щербатский вернулся с идеей перевезти древний индусский храм. Вместе с мечетью и буддийским храмом такое прекрасное привхождение было бы и своевременно и замечательно. Мы схватились за предложение Щербатского.

В скромной квартире сестер Шнейдер (племянниц Минаева) в составе комитета буддийского храма мы обсуждали, как привести в исполнение мысль Щербатского. Местные расходы были не так велики, и наша трудовая складчина могла их осилить. Но вопрос транспорта был много труднее. Следовало послать архитектора,

который бы тщательно промерил и перенумеровал все части храма. Затем в разобранном виде поезда доставили бы храм в Бомбей, где все было бы погружено на пароход Добровольного флота для прямой доставки в Питер. Список расходов стал сильно возрастать. Флот не соглашался даром доставить такой тяжелый груз. Завязалась бесконечная волокита, денежная помощь не явилась, и нам горестно пришлось сложить оружие. А жаль, безмерно жаль – ведь индусский храм в Питере был бы таким прекрасным знаком дружбы. Почему быть лишь в Баку Храму большого огня?

В Калькуттском музее одиноко висит большая картина Верещагина из серии «Индия – Гималаи». Где все прочие? Вот две маленькие книжки жены Верещагина об их гималайско-индусских поездках. Написаны довольно примитивно, но и за то спасибо. Как нужен инвентарь русских произведений – иначе летопись русского искусства будет неполной. Вот после выставки в Сен-Луи восьмьсот русских картин канули в бездну, а где они? Много русских прошло по Индии. Сталь, Голубев, Авинов, Ростовцев, и только в забытых журналах имеются их заметки. И теперь бывали Вавилов, Щербиновский, Ульянишев, Перов – многие, но и эти путники прошли почти без следа.

Давно хотелось иметь индусский музей в Питере. Помню, с грустью мы узнали, что Виктор Голубев подарил свои индийские собрания в музей Гимэ и в музей Чернуски. Мы надеялись, что он уделит хотя бы часть для нашего Музея императорского Общества поощрения художеств. Впрочем, где этот музей? И еще мечтали мы послать стипендиатов нашей Школы в Индию, но тут помешала война.

Где-то по русским просторам странствует книга «Основы буддизма» Наталии Рокотовой (псевдоним Е.И.). Читались с радостью книги об Индии Рагозиной. Теперь, как говорят, на Руси книги поглощаются читателями. Хочет знать русский народ и в широком познании приобретает великую мощь. О друзьях, о братьях хочет узнавать народ. Если кто может помочь такому доброму познанию, пусть сделает безотлагательно. Хотелось иметь в Индии русскую выставку, о чем я писал Потемкину, Грабарю, Щусеву, – не знаю, дошли ли письма? Почта трудна. Святослав выхлопотал у здешнего правительства разрешение на русскую фильмовую выставку здесь. И такое ознакомление желательно.

В труде разрозненных сведений трудно понять, где нечто обособленное и где осколок целого ряда событий. Афанасий Тверитянин был в Индии и ценно запечатлел свое странствие. Но ведь таких, наверно, было много, но следы их завалены грозными обвалами. Множество костей белеют на караванных путях. Индусские селения на Волге, но почему на одной Волге? Ведь жил индусский раджа в Яблоницах под Питером.

Монах оставил свои записи о Гималаях, но таких хождений было много, и немало странников устремлялись в Беловодье. Вот недавно Сураварди был причастен Московскому Художественному театру, но и в иных местах могли быть друзья-сотрудники. Цыганка ворожит «Кала пани», помня свой исход из далекой Индии. Сибиряк повествует об Иосифе, царевиче индийском. Веды – ведать. Дом – дома. Дым – дхума. Дэва – Див. Лель – чудный пастух. Лал – красный, прекрасный. Открыто прекрасное сокровище народов.

1945

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М., 1974

СОКРОВИЩНИЦА ДУХА

ГИМАЛАИ

Обращение к Гималайскому Обществу имени Рериха

Д

орогая Эстер!

Благодарю за ваше светлое извещение об избрании меня и Елены Ивановны Покровителями основанного вами нашего Гималайского Общества. Вы знаете, что для меня Гималаи являются вершиною мира, не только по высоте, но и по всем благостным многозначительным традициям. Из книг моих вы знаете, что именно нагория Гималаев и Трансгималаев были одним из главных пунктов переселения народов, объединяя этим лучшие стили Запада, выдвигая скифику, напоминая о романском стиле и прочих незабываемых культурных сокровищах.

Я уверен, что вы будете вносить в жизнь Общества всевещающее, всеобнимающее благостное понимание. Пусть будет единственным врагом вашим лишь жалкий гомункулус – невежество. Все же в пределах знания, в пределах созидательного творчества

должны быть друзьями Культуры. Во имя Культуры вы и собираетесь. Во имя этой великой эволюционной основы вы устремляетесь слагать мирное и светлое будущее. Единственно Культура разрешает нагроможденные затруднения человечества, и никто, кроме гомункулуса, не дерзнет сказать, что излишне или недостойно посвящать себя служению Culture.

Мы так много работали совместно, что вы, конечно, чувствуете, насколько реально и неотложно строение и защита Culture. Факты каждого дня говорят, что это не преувеличение, но поистине необходимость, и притом необходимость прекрасная. Во имя этой прекрасной необходимости и действуйте так же благостно, так же самоотверженно и мужественно, как вы, все наши дорогие сотрудники, действовали во всех прочих строительных делах.

Не забудем, что именно на Гималаях создано сказание о Жар-Цвете. Много всемирных сказаний пришло от этих снежных вершин. Мысли о целительных травах, о чудесной пыли метеоров, о магнитных токах и мощных энергиях во благо человечества приведут нас опять к тем же снеговым великанам.

Мировая Сокровищница Духа! Устремление ко Благу, стремление вверх, где же оно так же действительно может проявиться, как не у Высот, на которые еще не ступала нога человеческая? Во имя этих высот укрепляйте всю бодрость духа. Забудьте все размельчающее и умаляющее. Охраняйте сокровища человеческого гения. Воздвигайте неустанно твердыни, где дух человеческий укрепит свои благие достижения. Крепко держите Знамя Мира.

Привет, Вера, Успех!

1931

Н.К. Рерих. Держава Света. Нью-Йорк, 1931

ГИМАЛАИ

Вот и французская экспедиция идет воздать честь Гималаям. Со всех сторон разные народы устремляются все к тем же высотам. Получается уже какое-то шествие, за пределами состязания.

Если бы кто-нибудь задался целью исторически проследить всемирное устремление к Гималаям, то получилось бы необыкновенно

знаменательное исследование. Действительно, если от нескольких тысяч лет тому назад просмолреть всю притягательную силу этих высот, то, действительно, можно понять, почему Гималаи имеют прозвище «несравненных». Сколько незапамятных Знаков соединено с этой горной страной! Даже в самые темные времена средневековья, даже удаленные страны мыслили о прекрасной Индии, которая кульминировалась в народных воображениях, конечно, сокровенно таинственными снеговыми великанами.

Попробуем мысленно сообразить все те прекраснейшие легенды, которые могли зародиться только на Гималаях. При этом, прежде всего, будем поражены изумительным разнообразием этих наследий. Правда, это богатство произойдет от многих пламенных наслоений, станет роскошнее от щедрости многих тысячелетий, увенчается подвигами лучших искателей истины. Все это так. Но и для этих вершинных подвигов требуется окружающее великолепие, а что же может быть величественнее, нежели непревзойденные горы со всеми их несказанными сияниями, со всем неизреченным многообразием.

Даже скудно и убого было пытаться сопоставить Гималаи с прочими, лучшими нагорьями земного шара. Анды, Кавказ, Альпы, Алтай – все прекраснейшие высоты покажутся лишь отдельными вершинами, когда вы мысленно представите себе всю пышную, нагорную страну Гималайскую.

Чего только не вместила в себе эта разнообразная красота. Тропические подходы и луга альпийские и, наконец, все неисчислимые ледники, насыщенные метеорною пылью. Никто не скажет, что Гималаи это теснины, никому не придет в голову указать, что это мрачные врата, никто не произнесет, вспоминая о Гималаях, слово однообразие. Поистине, целая часть людского словаря будет оставлена, когда вы войдете в царство снегов гималайских. И будет забыта именно мрачная и скучная часть словаря.

Чем-то зовущим, неукротимо влекущим наполняется дух человеческий, когда он, преодолевая все трудности, всходит к этим вершинам. И сами трудности, порою очень опасные, становятся лишь нужнейшими и желаннейшими ступенями, делаются только преодолениями земных: условностей. Все опасные бамбуковые переходы через гремящие горные потоки, все скользкие ступени вековых ледников над гибельными пропастями, все неизбежные

спуски перед следующими подъемами, и вихрь, и голод, и холод, и жар преодолеваются там, где полна чаша находжений.

Не из спесивости и чванства столько путешественников, искателей устремлялись и вдохновлялись Гималаями. Только соперничество и состязание могло найти и другие труднейшие пики. Далеко поверх состязаний и соперничества заложено устремление к мировым магнитам, к тому неизреченному священному чаянию, в котором рождаются герои.

Не только лавровые венки состязаний, не только приходящие первые страницы книг и газет, но тяготение к величию, которое питает дух, всегда будет истинным притяжением, и в таком влечении ничего не будет худого.

Что же, это еще одна похвала Гималаям?

Разве их торжественное величие в похвалах нуждается?

Конечно, здесь неуместны похвалы, и каждая из них, даже самая превосходная, будет лишь умалением. Тогда зачем же вспоминаются Гималаи, зачем же нужно о них мыслить, вспоминать и к ним устремляться?!

Хотя бы мысленное приобщение к торжественному величию будет лучшим укрепляющим средством. Ведь все по-своему стремится к прекрасному. О прекрасном по-своему мыслит каждый и непременно захочет, так или иначе, сказать о нем. Мысль о прекрасном настолько мощна и растуща, что человек не вместит ее молчаливо, а непременно захочет, хоть в каких-либо словах, поведать ее. Хоть в какой-нибудь песне или в каком-либо начертании человек должен выражать и запечатлевать мысль о прекрасном.

От малейшего цветка, от крыла бабочки, от сверкания кристалла и так дальше и выше, через прекрасные человеческие образы, через таинственное касание надземное человек хочет утвердиться на незыблемо прекрасном. Если были на Земле прекрасные создания рук человеческих – к ним придет путник; успокоится под их сводами в сиянии их фресок и стекол. Если может путник найти зарево далеких горизонтов, он устремится и к ним. Наконец, если он узнает, что где-то сверкают вершины наивысшие, он увлечется к ним и в одном этом стремлении он уже укрепится, очистится и вдохновится для всех подвигов о добре, красоте, восхождении.

С особенным вниманием у костра и в любом человеческом собрании слушают путника. Не только в далеких хрониках читают об этом уважении к пришедшим издалека. Ведь и теперь при всех путях сообщения, когда мир уже кажется малым, когда люди стремятся в высшие слои или в глубины, к центру планеты, и тогда рассказ путника остается украшением каждого собрания.

«Правда ли, так прекрасны Гималаи?»

«Правда ли, они несравненны?»

Скажите нам хоть что-нибудь о Гималаях и бывает ли там необычное?!

В каждом повествовании путника люди ждут необычного. Обычай, привычка, неподвижность связанности, умаляет даже самое маломыслящее сердце. Даже поникнутый дух стремится к движению. И, в конце концов, никто не мыслит движения только книзу.

Помню, как один путник рассказывал, что, начав спуск на большом каньоне Аризоны, даже при великолепных красках окружающих, все же оставалась тягость соображений о бесконечном спуске – «мы шли все вниз, и это даже мешало любованию».

Конечно, восторг и восхищение будут, прежде всего, связаны с восхождением. При восходе является непреодолимое желание заглянуть за возносящиеся перед вами высоты. Когда же вы идете вниз, то в каждой уходящей вершине звенит какое-то «прости». Потому-то так светло не только идти на вершину, но хотя бы мысленно следовать этим путям восходящим. Когда слышим о новых путниках на Гималаи, то уже признательны хотя бы за то, что опять напоминает о вершинах, о зовущем, о прекрасном, которое так нужно всегда.

Гималаи, разрешите еще раз послать Вам сердечное восхищение. Также, вся прекрасная Индия, позволь еще раз послать тебе привет за все то влекущее и вдохновляющее, которым наполнены твои и луга, и рощи, и старинные города, и священные реки, и великие люди.

1935

Н.К. Рерих. Врата в Будущее. Рига, 1936

ГИМАЛАИ

Вот и еще две гималайские температуры ушли. Многие сотни их улетели. Иногда бывает жаль, что они так скоро и бесследно исчезают. Не жаль самих вещей, – пусть себе путешествуют. Может быть, порадуют кого-то? Но жаль, что нельзя по ним сложить панораму наших азийских странствий. Бывает, мы с Еленой Ивановной по ним вспоминаем многое пережитое, вершины, восходы, закаты, бури, снега, радость солнца, горные озера, реки, водопады, орлиные гнезда монастырей тибетских...

Трудно будет без Гималаев, без долины Кулуты, без снежных перевалов. Вот тогда и пригодились бы путевые температуры. Портативны они. Даже при малом багаже возможно иметь их хоть сотни три-четыре. Но многое уже разлетелось по Индии, по Америке, по Европе. Этих странников уже не сыскать. И теперь Елена Ивановна любит иногда посмотреть эту горную страну и вспомнить все радости нашего странствия, все преодоленные трудности, встречи и добрые и недобрые.

Конечно, память в складках своих хранит все такие вехи и при случае показывает их. Но иногда Елена Ивановна любит и в красках посмотреть азийскую панораму. Гималаи! Сколько к ним устремлений. Как широка и прекрасна эта обширная горная страна. Крыша Мира.

От Памира через весь Тибет, от Кунь-Луны до индийских равнин неизмеримо в красоте многообразной.

Когда мы шли после Танглы через перевалы в 22 000 ф[утов], кругом вставали несчетные снеговые вершины. Кто побывал во всех этих извилинах и ущельях? Много ли видели летуны над Эверестом? Да и то говорят, что они вместо Эвереста сняли Макалу. Велика литература о Гималаях, но мала она сравнительно. И каждый-то день что-то новое и чудесное, грозное и прекрасное.

Гималаи! Вот перед нами на север две вершины Гепена в 23 000 ф[утов], так схожие в очертаниях с Белухой. Каждый день новое освещение, новые небеса. Суровый перевал Ротанг – нынче под ним в Рале семьдесят локтей снега. Все неисчерпаемо, ново и чудесно. Неповторяемы очертания камня. Самоцвет!

1943

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М» 1974

СВЯЩЕННАЯ ДОЛИНА

БОГИ КУЛУТЫ

Иногда кажется, что все необычные страны Азии уже описаны. Мы восхищались любопытным племенем Тода. Мы были поражены колдунами Малабарского побережья. Мы уже слышали о нагах Ассама и необыкновенных обычаях веддов Цейлона. Ведды и пахари Северной Индии всегда отмечаются как самые уникальные племена.

Хотя и много статей уже опубликовано о Северном Пенджабе, где собрано вместе непостижимое скопление древних горных племен, есть еще отдаленные горцы, которые так мало тронуты цивилизацией, что пытливый наблюдатель постоянно находит интересный новый материал.

Смешение древних раджпутов, сингхов с непальскими и монголоидными горцами дало очень индивидуальный тип, который также создал особую религию – комбинацию индуизма и буддизма.

Священная долина Кулу лежит, скрытая, на границе Лахула и Тибета, образуя самую северную часть Пенджаба. Была ли здесь Арьяварша или Арьяварта – сказать трудно. Но самые значительные имена и события собраны в этой благотворной долине. Она называется Серебряной Долиной. Зимой ли, когда снег искрится, или весной, когда все фруктовые деревья покрыты снежно-белыми цветами, долина одинаково хорошо заслуживает свое название.

В этом древнем месте имеется триста шестьдесят богов. Среди них также есть Готама Риши, посвятивший себя буддизму, который, как известно, жил здесь веками. Здесь Акбар Великий, чья статуя находится в храме Маланы, и все учителя и герои, кто мечом, а кто духом выигрывали великие битвы.

Деобан, их священный лес, порос столетними деревьями. Ничто не может быть уничтожено в тишине охраняемой рощи. Даже леопарды, медведи и шакалы находятся в безопасности в этом обиталище Бога. Люди говорят, что некоторым из этих охраняемых деревьев более тысячи лет, а некоторым даже две тысячи. Кто просчитал их возраст? Кто знает их начало? И их конец не близок, так могучи необъятные стволы и корни.

Такие же древние деодары окружают храм Махадеви в Манали. Тяжелые валуны, камни, напоминающие огромные монументы, разбросаны по всем горным склонам Гималаев. Около храма останки каменных алтарей. Говорят, что здесь боги встречаются во время весенних праздников. В темноте, внутри храма поднимается скала, омываемая доисторическим ручьем. Не здесь ли Ману составил первые заповеди для блага человечества?

На горном склоне над каждой деревней можно увидеть гребень древних гигантских хвойных деревьев или деодаров. Все эти места священные для трехсот шестидесяти богов славной долины Кулу или, как называли ее древние, «Кулута». Эти места отмечены индийскими пандитами, старыми тибетцами и известным китайским путешественником 17 столетия Сюаньцанем.

В долине Кулу даже вплоть до наших дней споры улаживаются прорицателями. В святилищах храмов несказуемые святыни, которые не позволено созерцать человеческому глазу. Хранитель храма входит в святилище очень редко и всегда с завязанными глазами, и выносит один из священных предметов для инициации на короткое время.

Люди горного гнезда Маланы говорят на малопонятном языке, и никто еще до сих пор не определил этот диалект. Они живут своей особой жизнью, и лишь отдельные их представители редко спускаются в долину, чтобы посетить храмы бога Джамлу. В высоких черных конических шапках с длинными серьгами и в домотканых белых одеждах эти горные отшельники идут по снежным узким тропам.

Во время индийского Нового Года вся долина Кулу отмечает праздник. Нам сказали, что богиня Трипура-Сундари выразила желание посетить нас. Триумфальное шествие богини, ее сестры Бхутанги и бога Нага прибыло. Перед нашим домом поставлен длинный ряд многоцветных знамен. Немного дальше – множество барабанов, труб и изогнутых медных рогов. Позже в прекрасно вышитых костюмах, всю дорогу танцуя, с изогнутыми саблями пришли жрецы, гуры, кадары и местные танцоры. На широком дворе процессия остановилась. Каждый из трех паланкинов богов был покрыт серебряными и золочеными масками. Музыка гремела, пелись песни, и начался дикий воинственный танец с мечами. Подобно кавказским горцам или меченосцам Курдистана, сыны древней воинственной долины бешено, но грациозно кружились в танце.

Затем появился старый браминский жрец. Он взял две сабли у молодых танцоров... Как будто случилось чудо, согбенный старый жрец вдруг наполнился жизнью и, как воин, закружился в диком священном танце. Кривые сабли засверкали. Тупой стороной сабли старик наносил себе воображаемые символические раны. Казалось, будто он перерезал себе горло. Потом неожиданным движением обнаженная сталь прошла в открытый рот... был ли это старик или юноша, замаскировавшийся седой бородой?

Все это было необычно. Но самое неожиданное было впереди. Танцоры успокоились. Музыканты отошли в сторону. Паланкины богинь были возложены на плечи мужчин, но те, которые несли их, не прикасались к шестам руками. Напротив, казалось, что паланкины толкали их, и они шатались, как пьяные, повинувшись неведомой силе. С паланкинами на плечах они стали двигаться кругами.

Вдруг паланкин, казалось, устремился к выбранному человеку, направив конец шеста прямо ему в грудь. Он содрогнулся, стал бледным, и все его тело задрожало... Изменившимся голосом он выкрикивал пророчества. Но богиня пожелала еще говорить через другого. Снова паланкин повернулся кругом. И снова один был избран и одарен правом говорить. Это был бледный юноша с длинными черными кудрями. Снова затуманенный взгляд, стучащие зубы, трясущееся тело и внушительное провозглашение пророчеств. Новый Год был отмечен. Процессия снова выстроилась и вернулась крутой горной тропой в храм, где барабаны будут греметь долго за полночь, и где танцоры снова будут кружиться в священных воинственных танцах.

Хорошо, когда боги долины милосердны.

Что жители Кулу любят больше всего? Танцы и цветы. Мы присутствовали еще на одном танце с мечами. Лезвия мечей, искусно вращаемые, со свистом рассекали воздух вокруг танцующих красочно одетых мужчин,двигающихся локоть к локтю, и распевающих протяжные песни в сопровождении барабанного боя и литавр. На богатых носилках под украшенным балдахином сидел Кришна с голубым лицом в золотых парчовых одеждах. Рядом с ним восседала Радха, а впереди была маленькая Кали, лицо черное, как у нубийки, с длинным красным вытянутым языком. Дети, которые представляли богов, сидели очень серьезно, понимая свое назначение. А вокруг

стояла толпа – смешение многих народов: пахари, тибетцы, индусы, ладакцы и многие другие типы горцев с необычными лицами. Все это, казалось, перенесло меня назад, в американское юго-западное Пуэбло, где во время праздников мы видели аналогичные ряды людей с переплетенными руками, которые изображали дождевые облака, сбор урожая и охоту – все, что волнует и радует народ, живущий в контакте с природой.

Во время нашего путешествия мы слышали многое об обычаях богов. Мы видели, как китайцы наказывают своих богов, топят их в реке, отсекают им руки и ноги и лишают их достоинства. Самоеды или намазывают своих богов жиром, или порят их. Короче, всякое может случиться даже с богами. Но законный договор, который заключается с богом в долине Кулу, это уже что-то новое. В Библии мы читаем о договорах, заключенных с богами, но, конечно, это делалось без документов о доходах в пользу правительства. Но здесь, в долине Кулу, боги очень близки к жизни и действуют в соответствии с сегодняшними законами страны. Передо мной договор между частным лицом и богом Джамлу, касающийся водоснабжения. Таких письменных контрактов с богами я никогда до этого не видел. Все становится современным, и даже боги подписывают контракты на бумаге с марками.

Но в долине Кулу не только существуют договоры с богами, но есть даже волшебная сказка о золотом петушке. Передо мной документ о продаже старинной крепости, в которой есть особый пункт о том, что предыдущий владелец оставляет за собой право на четвертую часть золотого петуха, захороненного в этой земле. Сказка о золотом петушке!

Гур, жрец при богах, является самым почитаемым во всей долине Кулу. Он одет во все белое, на нем домотканый шерстяной плащ и маленькая шапочка на черных седеющих волосах. У него орлиный нос и сверкающие глубоко посаженные глаза. На нем белые штаны.

Гур восседает на коврике и, закончив жечь благовония, дает каждому из нас цветок как знак благосклонности богов.

Боги очень удовлетворены, – сообщает он нам. Мы не оскорбили их. Напротив, мы даже собрали их изображения около нашего дома, принесли их из старого разрушенного храма. Есть статуя Гуга-Чохана

верхом на коне, богиня Кали, Риши Картик, Свами Нансиганг, Парбати и несколько изображений Нарсинга, защитника этого места.

«Скажи нам, гур, ты видел Нарасимху?, – спросили мы его. – Мы слышали, что многие люди видели покровителя этих мест».

До того, как гур успел ответить, учитель индусской школы, который присутствовал там, сказал: «Конечно, многие из нас видели Нарасимху. Старый Раджы, который стал покровителем этой долины, бродит ночью около своего бывшего замка и по горным тропам. Все ваши слуги здесь видели лунной ночью, как высокая величественная фигура с длинным посохом спустилась с горы и исчезла прямо перед их глазами... Я сам видел Нарасимху дважды. Один раз в этом самом доме. Покровитель вошел в мою комнату ночью и, прикоснувшись ко мне, хотел сказать мне что-то. Это было так неожиданно, что я испугался, и видение исчезло. Другой ночью я возвращался горной дорогой из замка домой. И я встретил самого покровителя, который сказал: «Почему ты идешь так поздно, когда все уже спят?» Вы можете спросить капитана Б. и жену плантатора Л. Они оба знают о появлении Нарасимхи».

Старый гур, пожевав тонкими губами, сказал: «Я видел Нарасимху. А также богиню. Она подошла ко мне, как маленький ребенок, и благословила меня на посвящение в гуры. Я был тогда очень молод. У ворот храма я наложил на себя обет поститься и бодрствовать 72 часа. И утром, после того как прошли эти часы, неизвестная маленькая девочка пришла ко мне. Ей было около семи лет, одета в прекрасные одежды, как на праздник, хотя был обычный день. И она сказала мне: «Ты выполнил свое задание. Иди и действуй, как решил!»

Гур много рассказал нам о великих местных Риши: боги в долине живут в процветании. У них много имущества и земли. Без их разрешения никто не может срубить дерево. Боги приходят друг к другу в гости. Многие люди видели богов путешествующими. Иногда они летают, иногда ходят, делая огромные прыжки, опираясь на посохи. Конечно, помимо этого, несколько раз в году они совершают триумфальные шествия в сопровождении барабанного боя и рева труб. В кладовых храмов скрыты богатые одежды, жемчуг, золотые и серебряные маски – все это принадлежит богам.

Жена плантатора Л. рассказывала, что действительно, находясь однажды ночью в наггарском замке, она была разбужена шумом в соседней комнате, и на пороге появилась белая фигура среднего роста. Но она очень испугалась, и фигура исчезла, производя такой шум, что две английские леди, спавшие в соседней комнате, тоже испугались. Так же шумно фигура двигалась и в других частях замка. Миссис Л. увидела и другую интересную вещь. На площади Султанпура бежала собака, преследуемая белой прозрачной фигурой.

Брамин в большом желтом тюрбане рассказал нам, как местные боги помогают жителям долины Кулу. «В доме одного человека произошло несчастье, в ужасе он убежал в горы, ища помощи у богов. Три дня он провел в скалах. Кто-то невидимый принес ему пищу и сказал вслух: 'Ты можешь возвращаться домой'. Человек вернулся и нашел, что все в порядке. Другой человек ушел в горы Маникаран и уединился в медитации. Неизвестные йоги появились перед ним и окружили его лучезарным светом, с того дня все жители долины следовали за этим человеком, оказывая ему уважение и доверие. Это было около пятидесяти лет тому назад. Если вы хотите попытаться увидеть Риши, поднимитесь в горы к одному из горных озер. Постясь и молясь, поживите там и, вероятно, один из покровителей появится перед вами».

Люди Кулу относятся к своим божествам по-дружески. В таких древних местах, как Наггар и Манали, собраны все великие имена. Законодатель Ману дал свое имя Манали. Великий Арджуна чудесным образом проложил проход от Арджунагуфа до Маникарана, куда он ходил к горячим источникам. После великой войны, описанной в Махабхарате, Пандавы пришли в Наггар и выше храма Тхавы построили свой замок, остатки которого видны до сих пор. Здесь, в долине Кулу, жил также Виаса, составитель Махабхараты. Здесь находится Виасакунд, священное место исполнения всех желаний. В Баджуара, около реки Беас, стоит храм, связанный с именем Гессер-Хана. Придя со стороны Ладака, великий герой настиг здесь своих врагов и победил их. На этой же реке Беас, называемой в истории Гипатосом, около Манди, остановился Александр Великий. Холм связан с именем завоевателя. На вершине холма лежат руины.

Здесь также по соседству находится знаменитое озеро Равалсар, место, где жил великий учитель Падма Самбхава. Тысячи пилигримов

посещают это замечательное место, приходя из-за горных хребтов Тибета, Сиккима, Ладака и Лахула, где процветает буддизм. Из Кулу пришел известный проповедник буддизма Санта Ракшита. Установлено, что Кулу и Манди есть та священная земля Захор, которая так часто упоминается в древних хрониках. Здесь после преследования нечестивого короля Ландарма были спрятаны самые древние книги. Даже место этих захороненных сокровищ указано приблизительно.

В Наггаре показывают пещеру знаменитого духовного учителя Пахари Баба, который заставил жестокого раджу вести набожную жизнь. Это прекрасное тихое место, спрятавшееся среди густых деодаров и хвойных деревьев. Маленький звенящий ручей, и птицы перекликаются друг с другом. Брамин охраняет священную пещеру, которая сейчас украшена храмом. Главным божеством этого храма является изображение, как называет его брамин, – Тараната. Он выносит изображение из храма, и в нем нельзя не узнать Татхагату, Готаму Будду-Учителя. Таким образом, индуизм горных пахари смешался с его предшественником – буддизмом. В других храмах также можно увидеть, помимо Шивы, Кали и Вишну, изображения Будды, Майтрейи и Авалокитешвары. И все эти памятные изображения отражены в собрании трехсот шестидесяти Риши, защитников и держателей этого благословенного края.

Нельзя не упомянуть, что под именем Трилокнатха – Бога Трех Миров – в верхней Кулу, как и в княжестве Чамба и Лахуле, поклоняются Авалокитешваре. Это подтверждается типичными деталями изображений.

На границе Лахула, который тоже является древним бывшим тибетским княжеством, на скалах вырезаны изображения мужчины и женщины девяти футов высотой. Говорят, что таким был рост древних жителей. Любопытно, что в Бамиаме, в Афганистане, есть огромные изображения в скалах, которые также связаны с легендой о древних великанах.

Землетрясения в Кангре разрушили многие храмы, но память народа хранит имена героев и учителей. Здесь также возведены памятники разного типа, напоминающие о том, что возможно уже забыто. В Манди и в Кулу вы можете увидеть большую стеллу наподобие древних менгиров с поврежденными временем

изображениями. Тесными группами стоят здесь гранитные блоки, хранящие какую-то тайну. Что это за тайна? Память о чем они воскрешают? Эти памятники относятся ко всем поколениям местных раджей и показывают количество их жен, которые похоронены живыми вместе с телами их покойных правителей. Против этого жестокого обычая боролся Акбар; иногда объединитель Индии сам мчался на своем коне, чтобы предотвратить жестокий удел невинных женщин.

Камни говорят о прошлом. Но к северу от Кулу поднимаются пики основной цепи Гималаев. За ними лежит дорога на Лахул и Ладак, а главный белый исполин называется Гуру-Гури Дхар – «путь Духовного Учителя». Эта концепция объединяет всех Риши в великое единое целое, ведя по пути к Высотам.

В Серебряной Долине Великий Пастух призывал к жизни все живые существа серебряными звуками своей флейты. Он зовет к радости. И яблоневого, грушевого, вишневого, сливового деревья откликаются на призыв буйным цветением. Ивовые деревья раскрывают пушистые цветы, абрикосовые деревья стали сиреневыми. Ореховое дерево покрывается желтым цветом, и, как исцеляющий нектар, течет ароматный живительный сок деодаров.

Под яблонями, покрытыми розовым цветом, вечный Кришна на своей флейте играет свои божественные песни возрождения.

1929

Публикуется впервые

РИШИ

С отвесных скал, как серебряные нити небесные, сверкали водопады. Светлые брызги ласкали камни с древними надписями об Истине. Разны камни, различны знаки надписей, но все они о той же Истине. Садху припал губами к камню и пьет благодатные водопадные капли. Гималайские капли!

На богомолье в Трилокнат, к древней святыне тянутся вереницы садху и лам. От разных путей вместе идут они. Кто с трезубцем, кто с тростью бамбука, а кто и вовсе без всего, и без одежды, совершает духовное хождение. Снега перевала Ротанга им нипочем.

Все ли хороши? Все ли вышне духовны? Но ведь и ради одного праведника Град бывает помилован. Уж простите, ходим по хорошему.

Идут богомольцы, знают, что здесь жили Риши и Пандавы. Здесь Беас или Виас, здесь Виасакунд – место исполнения желаний. Здесь Риши Виаса собирал Махабхарату,

Не в предании, но в яви жили Риши. Их присутствие оживляет скалы, увенчанные ледниками и изумрудные пастбища яков, и пещеры, и потоки гремящие. Отсюда посылались духовные зовы, о которых через все века помнит человечество. В школах заучивают их, на всякие языки переводят, но кристалл накопленный их наслоился на скалах Гималайских.

«Здесь и Риши Виаса составитель Махабхараты и Риши Васишта, открывший целебные источники и Риши Капила, уничтожавший зло смертным глазом, и Риши Гоутама, и Пахари Баба, и Гуга Коган, и Нар Синг – каждый с целым эпосом подвигов во Благо. Здесь отдыхали Пандавы от трудов бранных. Здесь и подземный ход Адржуны из Кулу в Маникарн. Здесь и Чандра-Бхага, издавна ознаменованная в Пуранах. Здесь и страна Хахор и священные книги, сокрытые от гонений нечестиваго царя Ландармы. Шепчут ведуны, что воплотился он в Тибете.

«Где же найти слова о Творце, если вижу несравненную красоту Гималаев», – так поет Индус. По путям Гуру, по высотам Риши, по перевалам путников духа наслоилось то, что не смоят ливни и не испепелят молнии. Идущий к добру благословен на всех путях. Трогательны повести о том, как встречались праведники разных народов. В бору деодары касаются под ветром вершинами. Так и все вершинное встречается, не поражая и не вредя. Когда-то споры решались единоборством, а соглашения беседою глав. Как девидары совещались между собою. И слово-то какое милое, девидар – дар Божий. И названо все не просто, ибо целебна смола девидаров. Девидар, мускус, валериан, роза и вся прочая благая аптека Риши. Хотели отменить ее множеством открытий и все-таки опять обращаются к основам.

Сказка ли о чудесном камне? Но ведь вы знаете, что это не сказка. Знаете, как приходит камень. Сказка ли единорог геральдии? Но ведь вы знаете о непальской однорогой антилопе.

Сказка ли Риши? Герой духа не сказка, и это знаете вы.

Вот снимок человека, неповредимо идущего через огонь. Это уже не розказни, но неоспоримый снимок, снятый начальником полиции Пондишерри. Очевидцы расскажут вам о таких же огненных испытаниях и в Мадрасе, и в Люкноу, и в Бенаресе. И не только сам садху проходит без вреда по пылающим углям, но он ведет за собой и желающих, за него держащихся.

Вот в Ганге у Бенареса сидит садху на воде в священной позе. Скрещенные ноги его прикрыты водными струями. Народ сбегается к берегу и дивуется на святого человека. Там же на остриях железных гвоздей, как на мягкой постели, лежит другой садху, и на лице его нет и тени страдания или неудобства.

Вот садху, заживо погребенный на многие дни; вот еще садху, без вреда принимающий яды. Вот лама летающий; вот лама посредством «то-мо» саморазвивающий жар среди снегов и ледников вершинных; вот лама, поражающий смертным взглядом пса бешеного. Степенный лама из Бутана повествует, как в бытность его в Тибете в области Тцанг один лама просил перевозчика переправить его через Тцам-по без платы, но лукавый лодочник сказал ему: «Перевезу, если докажешь, что ты великий лама. Вон бежит всем опасный бешеный пес, – порази его!» Лама же ничего не ответил, посмотрел на бегущего пса, поднял руку, произнес несколько слов – и пес упал мертвым!» Так видел бутанский лама. О таком же смертном глазе, о «глазе Капилы» приходилось слышать не раз и в Тибете и в Индии. А на карте, изданной в семнадцатом веке в Антверпене, с ведома католического духовенства значится страна Шамбала.

Как и на карте Антверпена и на снимке начальника полиции Пондишерри, так же и в показаниях лам мелькают те же разбросанные части одного великого Познания.

Если один может идти по огню, а другой сидеть на воде, а третий подниматься на воздух, а четвертый покоиться на гвоздях, а пятый поглощать яды, а шестой поражать взглядом, а седьмой безвредно лежать под землю, то ведь некто может собрать и в себе все эти крупницы познания. И так может преодолеть препятствие низшей материи! И не в каких-то дальних сказочных веках, но теперь, здесь, где испытываются и космические лучи Милликана!

Но все это еще не Риши. О Риши, о великих душах Шри Васвани говорит замечательно. Этот светлый проповедник блага и духовный

водитель, голосу которого очень внимают, замечает: «Благословен народ, вожди которого следуют за мыслителями, мудрецами, провидцами. Благословен народ, получающий вдохновение от своих Риши. Риши преклоняются лишь перед Истиной, не перед обычаем, условностями, или признанием толпы. Риши суть великие повстанцы человечества. Они низвергают наши Культы удобства. Они великие несоглашатели истории. Не косность, но Истина их завет. Нам нужны сейчас эти восставшие духом во всех областях жизни – в религии, в государстве, в образовании, в общественной жизни». («Заря». Июнь 1932).

Слова замечательные! Не все Риши по огню ходили и не все заживо хоронили себя, но каждый из них вносил целую духовную область во Благо мира. Каждый из них, как Бодисатва, владея мастерством, укреплял новое завоевание прогресса!

Каждый из нас на своем языке произносил священную клятву о построении мира обновленного, возвышенного, утонченного, украшенного!

Ради одного праведника целый Град бывал помилован. Этими маяками, громоотводами, твердынями Блага стояли Риши. Разных народов, разных вер, разных веков, но Единого Духа, во спасение и восхождение всех!

По огню ли пришел бы Риши, приплыл ли на камне, прилетел ли в вихре, но поспешал всегда во Благо общее. Молился ли Риши на вершинах или на высоком берегу реки или в пещере зарослей, он посылал моление о всех неведомых, неизвестных, труждающихся, болеющих, трудно ходящих!

Посылал ли Риши белых коней во спасение неизвестных путников или благословлял неведомых мореходов или хранил Град во нощи, он всегда стоял столпом светоносным для всех, без осуждения, без утушения огня.

Без осуждения, без взаимоподозрения, без взаимоослабления шли Риши на гору, на вечную гору Меру.

Перед нами путь на Кайлас. Высится одно из пятнадцати священных чудес, исчисленных в книгах Тибета. Гора Колокола. По острым кряжам ходят к вершине ее. Стоит она поверх последнего можжевельника, поверх всех желтых и белых складок нагорных. Тут ходил и Падма Самбхава, о том говорит древний монастырь Гандо-Ла.

Именно здесь пещеры Миларепы. И не одна, но многие освященные именем отшельника, слушавшего перед зарею голоса дэв. Здесь же и духовные твердыни Гоутама Риши. Недалеко и легенды, сложенные около Пахари Баба. Ходили тут многие Риши. И тот, который дал горе зовущее имя Колокола, тоже думал о колоколе для всех, о помощи всем, о Благе Вселенском!

Здесь жили Риши во Благо Вселенское!

Когда же на горных путях встречаются Риши, они не спрашивают друг друга: откуда? От Востока ли, от Запада, от Юга, от Севера? Ясно одно – за Благом и от Блага. А сердце возвышенное, утонченное, пламенеющее знает, где Оно и в чем Оно – Благо.

В караване спутники начали спорить и обсуждать качества различных Риши. Но седой пилигрим указал на снежные вершины в красоте сияющие, сказав:

«Нам ли судить о качествах этих вершин? Можем лишь в недостижимости восхищаться их великолепием!»

«Сатъям, Шивам, Сундарам!»

1932

Н.К. Рерих. Твердыня пламенная. Нью-Йорк, 1932

НАГГАР

Поднялись из Дарджилинга со всеми вещами, чтобы переехать в старинное место Наггар. Берега Беаса связаны и с риши Виасой, собирателем Махабхараты, и с Александром Великим, войско которого не пошло дальше этой горной реки. Здесь проходили и Будда и Падмасамбхава, здесь жил Арджуна и другие Пандавы. Недалеко Манали – от Ману, горячие ключи Басишту и долина Маникари-Парвати с серебряной рудой. Через Ротанг – уже тибетская природа. Все скопилось в изобилии... Древняя Кулута!

К рождеству 1928 года доехали до Наггара (по-русски – Вышгород). Еще не перешли Беас, из Катрайна увидели высоко на холме дом. «Вот там и будем жить». Нам говорят: «Невозможно! Это поместье раджи Манди. Дом не сдается». Но если что-то должно быть – оно и делается. Все устроилось, несмотря на немалые препятствия. Все-таки преодолели.

На север от нас Манали, Аржунгуфа, Джагадсуг, Басишта, а за ними снежный Ротанг. Путь на Тибет, на Кайлас, на Ладак, на Хотан – через Гоби на Алтай. Древний путь.

На восток – Чандер Кани перевал – за ним Малана (особый монахмерский язык) – Спити – Тибет.

На запад – Бара Бхагал, а за хребтами – Кашмир, Пир Пензал, а там и Памир.

На юг – дорога на Симлу, на Манди, на озеро Равалсар, а там и жгучие равнины Индии.

Наггар – место древнее. Несколько старинных храмов. Когда-то здесь были, по словам китайских путешественников, буддийские вихары. Теперь и следа не осталось. Сохраняется предание, что где-то здесь захоронены священные книги во времена тибетского иконоборца Лангдармы. Покровитель долины Нар Синг иногда показывается в виде старца в белом. Гуга Чохан, старый раджпутский раджа, тоже почитается хранителем долины.

Разных богов в долине триста шестьдесят. У нас письменное условие между богом Джамлу, британским правительством и нами о пользовании водою. Гремят барабаны и режут длинные трубы, когда боги посещают друг друга в дни ярмарок. В лесу затерялся храмик – там подвизался отшельник Пахари Бхатта. Деодары, сосны, дубы еще теснятся по склонам, но много лесов уже нарушено. Внизу под холмом, на старой дороге звенят колокольцы каравана. Чарует зов караванный. Откуда? Куда? С какими вестями?

1937

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М» 1974

СТУПЕНИ

На север от нас высится снежный перевал Ротанг – путь к Тибету и Средней Азии. Кроме проложенной теперь тропы, к этому перевалу ведут еще какие-то старинные большие ступени, сложенные из грузных камней. Рассказывают, что эта богатырская лестница когда-то сооружена Гессар-Ханом. Вообще, все эти гигантские сооружения, неведомо из каких веков сохранившиеся, принято посвящать мощным героям. На юг от нас на холме – развалины дворца Пандавов. На запад,

на самой вершине горы еще видны какие-то развалины и при них тщательно выложенный водоем. Особенно поразительно бывает среди зарослей встретить заброшенный, но когда-то бережно устроенный водоем, или какие-то неведомые ступени к чему-то давно не существующему. Последние дни богаты неожиданными прекрасными археологическими находками.

В Египте открыты сокровища фараона Шешонка. Эллада открыла превосходные дельфийские памятники. Найден дворец Нестора со множеством каких-то иероглифических надписей. В Афганистане исследуется древний центр Бактрим-Балк, в котором развалины тянутся на 16 миль. Сделаны новые счастливые открытия в русском Туркестане, на Алтае, в Монголии. Точно бы земля хочет напомнить, какие неоспоримые памятники древности повсюду еще захоронены.

Индия еще вся полна нескрытыми древними поселениями. После. Хараппы, Мохенджодаро постоянно наталкиваются на холмы, являющиеся курганами древних городов. В одной нашей долине, судя по записям древних китайских путников, процветало 14 буддийских монастырей. Ии одного сейчас не осталось. Сохранились лишь неясные предания, что недалеко от наших мест скрыты со времен иконоборчества Лангдармы древнейшие буддийские манускрипты. Как всегда говорится, что в сужденное время и эти древности выйдут наружу. Очень замечательно, что обращается внимание и на исследование затопленных морем городов.

Обнаруживаются ступени и в глубины и на высоты. История нуждается в новых вещевых подтверждениях. Многие проблемы оказались гораздо сложнее, нежели было принято думать. Человеческие отношения тонут в глубине веков. Многое должно быть отодвигается в давние тысячелетия.

На все – моды. Одно время была мода все приближать, а затем возникло желание отдалять, но истина часто бывает посередине.

Особенно трогательно в густых зарослях найти древние ступени, ведущие к каким-то несуществующим твердыням. Помню, когда мы нашли осколок полированного мрамора среди зарослей, сколько размышлений возникло.

1939

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М» 1974

СВЕТ УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЫ

УРУСВАТИ

«Vade, filii ad Montes Indies et ad cavernas saas, et accipe ex cis lapides honoratos qui liquefiunt in aqua, quando commiscentur ei» – «Иди, мой сын, в горы Индии и иди в их каменоломни и возьми там наши драгоценные камни, которые растворяются в воде, когда они смешаны с чем-то».

Так говорит блестящий Хали, араб, упомянутый Парацельсом. Давайте пойдем в горы Индии!

«Sophias cum Moria Certamen», опубликованная в *Summum Bonum*, рассуждает о горах и сокровищах, содержащихся там. И снова старый Парацельс справедливо уверяет нас: «Nihil est opertus quod nont revelabitur».

«Lumen de Lumine» описывает особые условия пути к таинственной горе: «К этой горе пойдешь в определенную ночь, когда она наступит, самая длинная и темная, и подготовишь себя молитвой. Настойчиво устремляйся по пути, который ведет к Горе, но не спрашивай ни у кого дорогу. Только следуй за Проводником, который предложит себя сам и встретит на пути. Но ты не будешь знать его. Проводник приведет тебя к Горе, когда все безмолствует. Тебе не нужен ни меч, ни другое физическое оружие. Когда ты найдешь Гору, первым чудом, которое возникнет – неистовый ветер, который будет трясти гору и раскалывать скалы на куски. Тебя также встретят львы и драконы и другие страшные звери; но не бойся никого из них. Будь непоколебим и не думай, что не вернешься, ибо Проводник не допустит, чтобы какое-либо зло случилось с тобой. Что касается сокровища, оно еще не найдено, но очень близко. После ветра начнется землетрясение, которое уничтожит все, что ветер оставил нетронутым. Но будь уверен, что не упадешь. После землетрясения последует огонь, который поглотит земное нутро и раскроет сокровище. Но ты еще не увидишь сокровище... Потом, ближе к рассвету, наступит великая тишина; ты увидишь, что взошла утренняя звезда, и начнется рассвет и увидишь великое сокровище. Главное и самое совершенное – тонирующий элексир...»

Эту историю поведал Томас Воган, который погиб во время взрыва, когда проводил исследования во имя человечества.

Такую же «историю» вам расскажет проводник в Гималаях, когда будет говорить о том, как найти черный аконит, как вы должны идти бесстрашно ночью в горы, чтобы найти этот светящийся цветок.

Это ничего не значит, что легенда о таинственном цветке живет во всем мире. Но так называемая «фантазия» наполнена реальностью Гималаев. Продавец аконита расскажет вам точно об этом же, не зная, что он повторяет легенду, известную во всем мире, и которой посвящено так много преданий различных народов. Чтобы превратить «сказку» в действительность, вы должны отправиться в Гималаи.

И из другой части света до нас доходит голос Афанасия Никитина Тверского, москвитя 15-го столетия. Он добавляет еще один аспект к словам Парацельса после своего путешествия в Индию, когда восклицает: «И я от многих тревог отправился в Индию!».

В сказочном, похожем на цветок, Ярославле на фресках орнаментов шестнадцатого и семнадцатого веков была открыта красота цветов Востока.

Эта прелестные фрески старых храмов поют о драгоценных дарах Индии, силе камней и трав.

«Война залила мир кровью. Засуха и дожди нарушили вечный порядок. Голод показал свое лицо», и опять с высочайшей горы, с горы «пяти сокровищ», в ветре и громе, в сверкании молнии мы слышим забытое: «От многих тревог давайте отправимся в Индию».

В ведической мудрости предписываются многие целебные травы и дано много мудрых советов. Конечно, они скрыты символами. Но древняя мудрость снова возрождается, и те, кто ощущает величие грядущей эволюции, готовы служить человечеству самым практическим образом в восстановлении здоровья.

Люди спрашивают, где найти средства от болезней? И снова издалека приходит ответ: «В Гималаях».

Поднимаясь над видимым, мудрец Риг-Вед поет гимн творения: «Не было ни смерти, ни бессмертия; ни сверкания ночи, ни света дня. Единый вздохнул, не дыша, лишь внутренней силой; кроме Него, истинно, ничего не существовало».

В этих строках Риг-Вед, ведический мудрец, отодвигает в сторону всю мифологию и достигает монизма конечного причинного

принципа. Это реальный «Гимн творению» – как он был назван. Поэтому мы не удивляемся, когда слышим лекцию д-ра В.Р. Кокатнура, индийского химика, в которой он приводит факты о том, что Кавендиш и Пристли не были первыми, кто открыл водород и кислород, но что мудрецы древней Индии знали эти великие газы:

«Известно, – говорит он, – что наша почти совершенная система исчисления была первоначально открыта индусами и завезена в Европу арабами, от которых она и получила свое название. Мир также обязан десятичной системой индусам, которые научили ей сначала арабов. Алгебра (Виджатанита) была уже развитой наукой при древних индусах. Индусские математики развили тригонометрию, великая работа Бхаскара «Лилавати» показала глубокое понимание того, что сейчас называют «высшей математикой», а Брахмагупта показал даже большую оригинальность и ученость».

Древняя Арьяварта совсем недавно открыла нам реликвии древнейшей культуры Индии. Но мы не удивляемся, потому что знаем, что даже Пифагор получил ключи мудрости из Индии. В этой стране, лежащей в окрестностях Гималаев, эоны назад высокий разум уже спустился до дна земли и поднялся, касаясь тончайших энергий. На каждом склоне, каждой вершине, на каждом дереве обнаруживаются щедро целебные растения. Вспомните заклинания Атарва Вед: «Мы носим противоядие Вишканды(ревматизм), амулет Джангида (чеснок), амулет тысячи сил. Джангида спасает нас от боли и от воспалений, от ревматизма и мучительной боли».

Древняя прогулка по Гималайским склонам и долинам потрясает: «Природа ждет здесь, полная даров. Приходи и исцеляйся. Чаррура, Паррура, Оррура – три важных целительных плода от кашля, простуды и жара. Чаррура похож на желтую вишню; Паррура – на зеленый каштан, а Оррура на желтовато-зеленое дикое яблоко. Все они острые на вкус и полны танина. Здесь есть красная кора Аку Омбо – для лечения ран. Средство против жара – это Серги Пруба, подобный сухому гигантскому бобу. Чута – сухой горький корень, вылечит опухоль и исцелит горло. Бассак – коричневый порошок от простуды. Красно-стебельчатый Тздастфуксин; горькая Пурма – для аромата. Бульон из корней Бесекуро очень помогает при женском нездоровье. Цветы Дангерро исцеляют желудок, так же как и цветы красного Рододендрона, в то время как лист Дисро дезинфицирует раны.

Мемшингпати – священное растение Непала, где оно используется для головных украшений на празднествах. Бесконечны полезные растения, которые ждут самого лучшего применения и изучения». Элексир дамиана, датура, аброма, агуста; экстракты арджуны, ашоки, асвагандхи, аяпана, чаттима, гокхура, гуланча, калмега, камала, кантикери, кхетпапра, курчи, пунорвана; сироп брихми и васака, настойка миробалана...

Это не таинственные заклинания. Это просто названия лекарств, которые сейчас готовятся из целебных веществ Индии. Я вспоминаю беседу с Бхатачарья. Я вспоминаю тех, кто приложил усилия, чтобы провести исследования целебных соковиц, хранящихся около Гималаев. Это не сказка, не «Небесный огненный цветок», не Огненная Птица мечты. Это земная созидательная мысль. Это земной труд для мирного очищения человечества. Больные и голодные не могут думать о славе тончайших энергий.

Калидаса говорит: «Посредственности не осмеливаются начинать благородную работу с того момента, как только они предвидят препятствия.

Но для смелых не существует никаких препятствий. Все препятствия превращаются в блестящие возможности для них. Адити – Изначальный Свет – будет освещать их путь.

Дэвы и Риши, Огонь и Пламя и сорок девять Агни древних Арья отдадут свою мощь тем устремлениям, которые полезны человечеству».

Урусвати, место исследований, место науки, должно быть построено в Гималаях, в границах древней Арьяварты. Снова человеческий дух, очищенный непрерывными токами Гималаев, будет искать в неустанном труде. Целебные травы, медицинские исследования, чудесные магнитные и электрические токи, неповторимые условия высот, неповторимое свечение планетарных тел с астрохимическими лучами, радиоактивность, – и все несказанные сокровища, которые сохранены только в Гималаях...

Урусвати – значит Утренняя Звезда. Разве не утро, славное для нового труда и достижений – вечное исцеление, вечный поиск, вечное достижение? В этих местах, где была выкристаллизована великая мудрость Риг-Вед, где прошли сами Махатмы, здесь, в пещерах и на вершинах аккумулировалась сила человеческой мысли!

Не принимайте это за идеалистические мечтания. Принимайте это в полной реальности. Как реально, как великолепно сияют вершины Гималаев! Воистину, только здесь, только в Гималаях, существуют уникальные, беспримерные, спокойные условия для целебных результатов. Условия научных исследований, нетронутые стремительным натиском современных городов, существуют только здесь, где даже планетарные лучи кажутся чище и более проникающими.

Когда вы видите минеральные краски гор, когда исследуете огромные гейзеры, полные различных минеральных солей, когда вы видите все типы горячих источников, вы понимаете характер изобилия этой части мира, которая еще не тронута и являлась свидетельницей столь многих космических катаклизмов. Это и есть такое место. Это уникальное место для многих научных исследований. Здесь вы чувствуете праздник знаний и красоты.

Великий индийский биолог сэра Джагдиш Бос говорит: «Золотой век это не наше прошлое, а будущее». И он мудро советует, что опасность настоящего положения человечества – как на тонущем корабле, и без лишних слов надо объединиться в целях борьбы против общей опасности. Он верит, что мы получаем все откуда-то, и поэтому мы должны отдавать свободно, с благородными намерениями.

Этот мудрый ученый также знает ценность великого значения Учителя, и тот, кто знает это, может радостно смотреть в будущее.

С радостью я замечаю распространение высоких интеллектуальных и художественных сил в Индии. Высоко одаренные индивидуальности сейчас стоят во главе университетов, институтов и школ, и имена Тагора, Боса, Рамана и других мужей науки и искусства являются живым мостом между сегодняшней Индией и глубокими корнями ее прошлой культуры.

Итак, следуя лучшим вехам, мы достигаем высочайших путей.

Великий Вивекананда, когда его спросила преданная последовательница, что ей делать в Индии, ответил: «Любите Индию!»

Великие учения Вед, заветы Будды, Апполония Тианского, Парацельса, Томаса Вогана, Рамакришны, бесчисленные зовы веков и всех народов направляют нас к великой горе Индии, которая охраняет сокровище.

Любите Индию!

Горы Индии охраняют целебные листья и корни.

Горы Индии собрали мощные энергии и напрягли лучшие токи для укрепления тела и духа.

Любите Индию!

«Lapis exilis dicitur origo mundi»

Ладак и Кашмир, Кангра и Лахул, Кулу и Спити особенно примечательные в историческом, геологическом и научном отношении. Здесь, прочерчивая свои пути достижений, прошли Махатмы и Риши, короли и герои; здесь упоминаются имена Нагарджуны, Падмы Самбхавы и Санта Ракшита.

Здесь случались кровопролития. Здесь возникли города и храмы, чьи руины еще украшают горные хребты Гималаев.

Гималаи в своей полной мощи пересекают это высокогорье; за ними поднимается Кайлас, а еще дальше – Каракорум и горное царство, увенчанное на севере Кунь-Луном. Здесь идут пути к священному озеру Манасаровар; здесь самые древние тропы священного паломничества. В этом же районе расположены озеро Нагов и озеро Равалсар, жилище Падмы Самбхавы. Здесь также пещеры Архатов и самое великое – жилище Шивы, пещера Амарнатха: здесь находятся горячие источники; здесь находятся 360 местных божеств, число которых подтверждает, как существенны эти самые места, аккумулировавшие человеческую мысль в течение многих веков.

Но Кашмир изолирован, а также и Ладак. Голые скалы громоздятся в Лахуле и Спити. Летний жар здесь чрезмерен и жесток мороз зимой.

Небезопасна вулканическая почва прекрасной Кангры, а в соседнем Манди есть много руин от прошлых землетрясений. После великого землетрясения 1905 года японские геологи, специально приглашенные исследовать почвы, обнаружили, что пояс сейсмичности проходит через Кангру.

Но между суровой Спити и Лахулом, с одной стороны, и небезопасной Кангрой и Манди, с другой, к северу от Симлы, вдоль речного русла Беаса лежит древняя долина Кулу. Это – та самая Беас или Хипатос, которая стала границей устремления Александра Великого. На этой реке завоеватель остановился. Та же самая Хипатос связана с именем Апполония из Тианы.

Через Амритсар железная дорога ведет к станции Патанкот. За час перед тем, как вы прибываете в этот маленький поселок, появляются на северо-востоке снежные горы. Из Патанкота можно ехать по широкой дороге через Палампур, Кангру, Манди, где скалы украшены острыми очертаниями древних руин. Сейчас железная дорога медленно строится в этом направлении. В данное время она достигла Джогиндар-Наггар. Обследование было проведено до Манди. Но Серебряная долина Кулу еще не хочет заменять свою свободную автодорогу на железные рельсы.

Через долину Кулу проходит древний путь на Ладак и Тибет. И жители долины еще столетия назад оценили благотворные свойства этого особенного места.

Горные хребты Чота и Бара Бхагал, параллельные Гималаям, отделяют долину Кулу от Кангры, служа ей благотворно в двух самых важных аспектах. Эти горные хребты охраняют Кулу от пояса сейсмичности. В Кулу не было землетрясений, равных по силе соседней Кангре. Здесь были толчки, но без разрушительных последствий. Также высота, вычисленная генералом Брюсом, – почти двадцать тыс. футов – защищает Кулу от чрезмерных муссонов. Хотя в Дальхузи и Кангре муссон достигает ста двадцати дюймов, в Кулу только сорока дюймов, давая ей все преимущества сухого климата.

В то время, как в Кангре жара поднимается до ста десяти градусов по Фаренгейту, в Кулу – не более, чем восемьдесят градусов. Конечно, эти данные меняются в соответствии с высотой, на склонах над пенящимся Беасом можно найти области высотой от пяти до десяти тыс. футов. В более высоких местах, естественно, только один урожай, но на более низких полях, как правило, два урожая, и даже земля, лишь слегка обработанная, дает необычный урожай. Почти все виды европейских и американских яблок, груш, вишен, слив, гладких и обычных персиков и абрикосов, орехов, разнообразных ягод и медицинских трав родит эта плодородная долина. Гражданский инженер господин Вернадский, который приехал в эту долину на пару дней и остался здесь более чем на шесть лет, говорит, что он попробовал двести тридцать пять видов растений в долине Кулу, и все пробы оказались изумительными. Север Кулу в вечных снегах сверкающих хребтов Гималаев напоминает своей белизной об особых условиях, окружающих эти необычные места.

Было отмечено, что электрические и магнитные явления особенно ярко выражены на этих высотах. Последние обеспечивают исключительные возможности для изучения особых токов, и можно представить, какие новые исследования могли быть проведены здесь нашим великим физиком Милликаном в продолжение его недавних чудесных открытий.

Замечательно, как вся собранная информация увеличивает важность этих мест, где плодородие почвы сочетается с необычным феноменом высот и историческим героическим прошлым.

Давайте послушаем, что говорят о Кулу другие путешественники, такие как исследователь Гималаев и руководитель экспедиции на пик Эверест генерал Брюс и капитан Энрике, которые обошли всю Кулу и ее округу; А.Х. Франке, хорошо известный исследователь этих мест; и врачи А.Р. и К.М. Хеберы; и давайте вспомнил Л.Х. Шатлеворт, который с энтузиазмом писал о Кулу в Географическом журнале, и чей брат, который рассказывал об уникальности этой долины в университете Бостона, называл Кулу «Серебряной долиной».

Достопочтенный генерал Брюс пишет следующее в своей книге «Кулу и Лахул»:

«Наше знакомство с настоящей долиной Кулу вчера было очень приятным. Прогулка из Султанпура в Катрайн, хотя ни в коем случае и не равна по красоте более высоким местам Кулу, очень характерна, широкая и не очень быстрая Беас похожа на лососевую реку. Огромные рощи ольховых деревьев, окаймляющие берега, широкие открытые склоны холмов, также незнакомые горцы, переполняющие дороги, время от времени попадающиеся ярмарочные торговцы из Тибета и Лахула, – все было интересно для нас.

Беас пересечена рядом прекрасных мостов, так что мы могли пройти по любому берегу. Вид прекрасен как с одного, так и другого берега.

Во время одного из наших походов мы прошли через два или три очень известных в Кулу фруктовых сада, но не смогли рассмотреть их как следует, однако сделали это позже. Получая хорошие транспортные возможности, плодовая промышленность Кулу должна великолепно процветать. Несколько европейцев, которые поселились в долине и занялись производством фруктов, получили блестящие результаты. Они вырастили лучшие яблоки и груши, такие же, как в

любой части мира, но вероятно, с наименьшей затратой труда. Если же учесть, что все эти фрукты приходится отправлять за 150 миль до ближайшей железнодорожной станции, становится ясно, какие препятствия испытывает торговля. Например, несколько сортов фруктов, наиболее высоко ценимые в Индии, такие, как вишня, смородина и персики, страдают так сильно при перевозке, что нет смысла выращивать их для рынка, а только в небольших количествах для домашнего потребления.

Вскоре перед нашим въездом в Катрайн, после того, как мы миновали фруктовую ферму мр. Дональда в Доби, мы пересекли реку Фиранг и увидели во всей красоте эту долину. Как это бывает ранним маем, все верхние пастбища и малые поселки были еще под снегом, и контраст между великолепными темными массами типичного леса Кулу и белыми вершинами днем, наполненными красками, был очень приятным и поражающим зрелищем.

Часто думают, что прекрасно ухоженные лесные долины на фоне снежных гор представляют однообразное зрелище. Кашмир полон ими, как и другие схожие местности, но, несмотря на это, каждая имеет свой собственный характер. И этот особенный вид, который открылся нам, я никогда не приму за Кашмирский. Это было чем-то совершенно новым. Напротив Катрайна, на левом берегу реки мы увидели замок Наггара, резиденцию помощника комиссара Кулу; несколько же других зданий, прекрасно расположенных и господствовавших на местности, ускользнули из поля зрения при наблюдении снизу. Чудесным является местоположение правительства, имеющего перед собой такой величественный вид.

Красочность долины Кулу почти невозможно выразить словами. Художники должны сделать это по-своему, как они часто делали это в Кашмире. Но снова я повторяю, что цвета Кулу – особые, и их богатство и блеск создают ее необычное очарование и характер.

Почувствовав однажды аромат Кулу, как в красоте, так и в занимательности, я понял, как трудно покинуть ее.

Спуск в направлении Кулу был просто прекрасным... Стоял глубокий сентябрь, пышные краски осени тронули верхние склоны и лес внизу своими темными тонами еще ярче подчеркивал богатство зелени после дождей. По дороге вниз на площадках было много тибетских стоянок, всегда живописных с их палатками с синим верхом.

Я редко наслаждался переходом больше, нежели те последние пять миль, ведущих в Рахлу. Кулу была во всей красе... Мы любовались прекрасным видом грозного пика «М...» Долина к югу была великолепна. Урожай уже созрел, и смесь малиновых оттенков амарантовых полей создавала богатый эффект приветственного цвета после более приглушенных тонов Лахула. Я не думаю, что когда-либо видел такое количество красок, как по нашей дороге вниз.

Крестьяне повсеместно в Кулу, возможно, не очень искусны в работе, но они, несомненно, выращивают великолепные урожаи. Поля так же хорошо орошены. Почва, несомненно, очень хороша и щедро вознаграждает самое небольшое внимание. Но что смогли бы сделать из этой страны действительно тяжело работающие альпийские крестьяне! Жители не хотят улучшить своего положения. Они могут получить все, что им действительно требуется при минимуме усилий... Я не упрекаю их, в частности, если у них есть все, что они желают, и они счастливы, и это действительно факт. Я только сожалею о более или менее потерянных возможностях такой страны.

Случайно ли, или благодаря чувству прекрасного, строители храмов в Кулу очень редко ошибались в выборе места; они почти всегда хорошо расположены. После храма две тысячи футов подъема ведут к главной долине Хамта, и тропа петляет по прекрасным лесам и открытым полянам, углубляется в траву, полную цветов, даже в такое позднее время, как время нашего визита. Правый берег долины очень обрывист и прекрасно вылеплен и является обиталищем таров, гималайских диких коз... Мы прошли прекрасные пастбища на нашем пути вниз и обошли большое количество березовых рощ, где обитали фазаны... Помимо богатого подлеска здесь было много цветов, особенно густых рощ розового бальзамина высотой до восьми футов, со стеблями толстыми, как мужское запястье. Окрестности были великолепны и красочны. Много дубов темно-медного оттенка четко выделялись на фоне осенних красок, на склонах выше леса были все цвета, травы и кусты добавили к этому все оттенки красного и желтого и бурого. Всегда приятно ехать верхом или гулять вдоль Беаса по бесконечным просекам прекрасной ольхи, более прекрасной я никогда не видел...

Во время великого передвижения, когда все стада овец направляются через перевалы Ротанг и Хамта к голубым пастбищам

Лахула и в долины Лингти и Спити, около двухсот тысяч овец проходят через Кулу, не считая местных овец, принадлежащих крестьянам Кулу. Я слышал о более высоких цифрах, но я, вероятно, не очень ошибся в приблизительных цифрах, которые я дал...

Подход к Наггару со стороны Катрайна очарователен. Здесь главное течение Беаса пересекается прекрасным висячим мостом, и долина широка и похожа на парк, и ольховые рощи великолепны. Затененная дорога ведет к Наггарскому замку. В прежние времена он был королевским центром Кулу, но потом столица была переведена в Султанпур.

Наггар прекрасно расположен, на хорошей высоте над рекой и долиной, с которой открывается просторный вид. Он также имеет большее значение, чем Султанпур.

Говорят, что Наггар был местом, где находились раджи Кулу – свыше шестидесяти поколений, современный же дворец был построен на месте древних развалин.

Это очень красивое старое здание, построенное из потемневшего от времени дерева и камня, без какого-либо раствора. В три этажа высотой оно стоит на впечатляющем месте, позади него находится дубовый храм, а вокруг – радостный сад цветов. В это время года краски как садовых клумб, так и окружающего ландшафта были просто сверкающими, и не только цветы и поля, но и каждая крыша крестьянского дома светилась богатым янтарным цветом индийской кукурузы, разложенной для просушки, а ниже румянец амаранта покрывал долину широкими мазками, в то время как синий индиго далекого склона и лес были освещены желтизной деревьев и травы. Снежные вершины завершали картину.

Нам повезло увидеть, как весенние, так и осенние виды, и, хотя снег на склонах в раннем сезоне создает большой контраст и оттеняет лес и долину, все же мы оба сошлись в предпочтительности осенних красок. Я никогда не видел ничего более сверкающего в таком огромном масштабе».

Капитан С.М. Энрике пишет в своей книге «Царство Богов» следующее: «Наггар – большая деревня. Сады полны роз, фруктовых деревьев и овощей. Груши и яблоки Кулу знамениты. Клубника, артишоки, капуста, аспарагус, ревень и салаты – все растет прекрасно. В долине есть деодары, ольха и фруктовые деревья; а в горах,

спускающихся прямо к долине, есть деодары (*pinus excelsa*) и голубые сосны (*kial*). Великолепные снега полностью окружают это особое место. Многие из окружающих вершин имеют четырнадцать тысяч футов высоты. Те, что вверх по долине, закрывающие Лахул, значительно выше; пик Гепанг – почти двадцать тысяч футов. Последний зимний снегопад был самым большим, известным за многие годы, и даже перевал Бубу, который имеет только десять тысяч футов, еще не открыт для пони. Наггар возвышается на пять тысяч девятьсот футов над уровнем моря.

Такова Кулу, земля великой красоты, прохладных бризов и сладких фруктов – идеальная земля для отпуска. Форель водится в ее ручьях. Цикорий и мунал в большом количестве растет на холмах. Можно охотиться за четырьмя видами фазанов. В лесах водится множество черных медведей; а ниже снегов можно найти даже и бурого медведя. Бурых медведей не так много, как бывало, но хорошие спортсмены Кулу уверяли меня, что другие виды охоты сейчас приносят более многочисленные трофеи, чем было 20 лет назад. Для художника Кулу предлагает неограниченный простор, а натуралист получит наслаждение от лицезрения бабочек и райских птиц. За пределами главной долины тянутся мили лесного высокогорья, которые ждут исследователей.

В Кашмире есть буквально несколько мест более привлекательных, чем верхние части Кулу».

В «Древностях Индии и Тибета» А.Х. Франке мы читаем следующее: «Позвольте мне добавить несколько заметок о Манди, собранных из тибетских исторических трудов.

Не может быть сомнений относительно отождествления тибетского Захора с Манди; во время нашего визита в Равалсар мы встречали многочисленных тибетских пилигримов, которые сказали, что идут в Захор, указывая при этом на княжество Манди, если не на город. В биографии Падмы Самбхавы и в других книгах, относящихся к этому времени, Захор часто упоминался как место, где жил этот Учитель (750 г.). Знаменитый буддийский Учитель Санта Ракшита, который ходил в Тибет, родился в Захоре. Снова во времена Рал-па-гана (800г.) мы находим утверждение, что во время царствования его предков было привезено много религиозных книг в Тибет из Гайя (Индия или Китай), Ли, Захора и Кашмира. Затем Захор был, очевидно,

местом буддийской учености и даже установлено, что при том же короле Захор был захвачен тибетцами. Но при его преемнике королев-отступнике Лангдарме, много религиозных книг было перенесено в Захор наряду с другими местами, чтобы спасти их от уничтожения.

Среди жителей Тибета еще живет предание о спрятанных книгах в Манди, и эта традиция, по всей вероятности, связана с вышеупомянутыми книгами. М-р Хауелл, помощник комиссара Кулу, рассказал мне, что теперешнему Тхакуру Келонга (Лахул) один высокий лама из Непала поведал, где спрятаны книги. К сожалению, Тхакур полностью забыл название места. Мои вопросы о месте были бесполезны, поскольку ни ламы, ни тибетские миряне не могли или не хотели сказать, где были спрятаны книги. Я могу предположить лишь единственный путь найти истину. Денежная награда должна быть предложена Тхакурам Келонга, чтобы побудить их сделать еще одну попытку найти старые книги».

И два доктора А.Р. и К.М. Хеберы в своей книге «В Гималайском Тибете» ссылаются на Кулу следующим образом: «Наши дальнейшие путешествия по Кулу и княжеству Манди проходили по более известным местам и не нуждаются здесь в описании, кроме того, что нельзя удержаться от замечания о стране, как наиболее прекрасной среди творений нашего Создателя».

Такими вдохновенными словами опытные исследователи описывают прекрасную долину Кулу.

Серебряная Долина! Серебряная руда выявлена. Сурьма выявлена. Многие химические процессы проходят под плодородной почвой.

Великий Арджуна проложил подземный ход от Наггара до Маникарана – от Серебряной Долины до Огненного Источника,

В Баджауре есть старый храм, основание которого относится к буддийским временам. Говорят, что Благословенный Ригден-Джапо, преследуя своих врагов из Ладака, настиг и разбил их при Баджауре. Таким образом, это великое имя связано с долиной Кулу.

Деревня Манали получила свое название от первого законодателя Ману. На скалах Лахула есть два изображения, мужчины и женщины, высотой около девяти футов. В легенде говорится, что это изображение древних обитателей этого места. Такая же легенда, как хорошо известно, относится и к гигантским изображениям Афганского Бамиана. Таким образом, много великих традиций связаны с древней

долиной Кулу. И сами Пандавы после великой войны Махабхараты, считая Наггар самым лучшим местом, поселились там. На высоком холме над храмом Тхата можно видеть руины замка этих великих воинов.

Долина Кулу имеет своего героя-защитника – Нарасимху, раджпутского раджу. Прекрасная легенда связана с именем Нарасимхи. Раджа должен был бежать из Раджпутаны. Как скромный кули, образованный правитель спрятался в долине Кулу. Под плащом простого рабочего он скрыл свою личность, но его огромная эрудиция не дала ему остаться незамеченным. Свет его справедливости и знаний освещал всех его соседей. Люди догадались, что не обычный человек появился среди них, и они по собственной воле стали считать Нарасимху своим раджей. Развалины замка Нарасимхи до сих пор еще стоят в Наггаре, а изображение героя воздвигнуто под старым деодаром. В соответствии с легендами Нарасимха охраняет долину Кулу. И проклятие тому, кто вызовет справедливый гнев героя-раджи. Как величественный белобородый пророк он, говорят, посещает свою страну ночью, и многие видели его и были благословлены правителем.

Нарасимха охраняет богатые урожаи. Он наполняет долину благоухающими цветами, и по воле героя деревья покрываются сладкими фруктами. Теперь он будет охранять Урусвати, наш Гималайский Исследовательский Институт!

И над изображением Нарасимхи возвышается белая вершина Гуру Гури Дхар – путь Духовного учителя.

1929

Публикуется впервые

МЕЧ ГЕССАР-ХАНА

(Лахуль)

Подают воду в жестяной чашечке. Еще живет эта чашечка, а ведь она прошла с нами весь Тибет и Китай и Монголию. А вот и ягтан, сделанный еще в Кашмире. Выдержал старик всю Азию, на всех перевозных средствах. Надо его побережь, слишком много он знает. А вот и знамя бывшей экспедиции – «Майтрейя». С тех пор под разными углами встречались мы с этим понятием. Уже далек тибетский

художник, писавший это Знамя. Уже нет ламы Малонова, украсившего Знамя китайскими шелками, и Знамя видело немало. Участвовало и склонило на нашу сторону диких голоков. Удивило и смягчило тибетского губернатора. Было по лбу Хотанскаго амбана и далеко пестрело красками при сооружении субургана в Шарагольчах. Теперь оно в Гималайском Институте, выросшем из экспедиции. Пусть оно охраняет все целебные травы Гималайские, в которых так много лучших решений.

Каждый предмет прошедший с нами всю Азию делается необыкновенно милым и незабываемым. Сами трудности пути претворяются в необычные радости, ибо они овеяны просторами, вобравшими в себя столько чудесного прошлого.

Опять гремят бубенцы мулов караванных. Опять крутые всходы горного перевала. Опять встречные путники, каждый из них несущий свою житейскую тайну. Опять рассказы о местных духовных сокровищах, о памятных местах. Опять на скале запечатлен героический меч Гессар-Хана; опять перед нами пещеры и вершины священного паломничества. Вечно бродящие странники тянутся с котомками за плечами. Не только вера, но непреодолимое стремление к жизни странному увлекает их по трудным горным тропинкам.

Мы идем в Лахуль. Опять продолжение экспедиции. Как будто так же, как бывало. С тою разницею, что там никакая почта, никакие сведения из здешнего мира по долгим месяцам нас не достигали. Но здесь мы еще на границе последних почтовых бегунов и смятение мира может стучаться к нам каждую неделю. Но за перевалом Ротангом уже повеял сухой тибетский воздух. Тот самый воздух – целительный и вдохновляющий. Звавший к себе всех искателей духовного восхождения. Ночью же по ясному небу с бесчисленными звездами, со всеми млечными путями и зарожденными и оконченными телами, полыхали странные зарницы. Не зарницы это, но то самое замечательное Гималайское свечение, о котором уже не раз поминалось в литературе.

Пройдя Тибет и Ладак, можно оценить и Лахуль. Снеговые пики, цветочные травы, пахучий можжевельник, яркий шиповник не хуже лучших долин Тибета. Многие святыни, ступы, пещеры отшельников не уступят Ладаку. На скалах – тоже ритуальные фигуры лучников, догоняющих стрелою круторогих горных баранов. А ведь древний

айбеко был символом света! Те же погребения в могилах, уставленных камнями и в каменных склепах – камерах. Над Келангом раскинулась мощная гора Колокола – Духовного отдохновения, со своею священной триглавою вершиною, подобно нарбу – ринпоче.

Сколько здесь медицинских книг и записей, хранимых ламами. Местный знаменитый лама-лекарь уже ходит для нас с мальчиком кули и, подобно Пантелеймону Целителю, наполняет длинную заплечную корзину травами и корнями. Хорошо, что Юрий так хорошо знает тибетский язык; хорошо, что с нами лама Мингиюр, столько знающий по тибетской литературе. За первые же дни к нам принесли несколько сочинений, еще никогда не переведенных. Среди них и медицинские записи и поэтическое описание местных святынь. Кругом все насыщено именами знаменитыми, тут и пещеры Миларепы, слушавшего на заре голоса дэв, тут был и Падма Самбхава и Джава Гузампа, и все главы учения нуждались в незаменимом сиянии Гималаев.

Тут недалеко и водопад Палден Лхамо; сама природа начертала на скале изваяние грозной богини, скачущей на любимом муле. «Видите, как мул поднял голову и правую ногу. Рассмотрите, как ясно видна голова богини». Видим, видим! И слушаем неумолчную песнь горной струи. Проходим пещеры и скалы нагов, – там живут особые змеи. Изумляемся древнему замку Такуров Гундлы. С изумлением видим, что некоторые островерхие крыши балконов опять напоминают Норвегию. Поучительно наблюдать плоские крыши, непременно наследие древней Азии, и эти острые неожиданные завершения, напоминающие север.

Незабываем прием, устроенный нам в Келанге, столице Лахула. Увешанные цветочными гирляндами, предшествуемые трубами и барабанами, въезжали мы в Келанг.

При въезде нас ожидало неожиданное и трогательное зрелище. На крыше выстроились ламы в пурпурных высоких тиарах с гигантскими трубами. С плоских крыш сыпались желтые и красные лепестки шиповника. Толпа теснилась в праздничных нарядах. Дети школы, выстроенные шпалерами, по знаку вазиря области кричали приветствия. А на арках и домах цветились плакаты с трогательными приветствиями. Подходя в нарастающей процессии к летнему помещению нашего Гималайского Института, мы были встречены еще

ламскими трубами, а дочь соседа Ану в бирюзовом высоком кокошнике поднесла священное молоко яка. Так Келанг, затерянный в снеговых горах, хотел выразить свою сердечность.

Не только новые находки сразу нахлынули, но и удалось увидеть редкую ламскую мистерию «Разбитие камня». Группа странствующих лам из Спити на нашем дворе дала эту необычную, еще неизданную мистерию. Юрий даст точный перевод ее в журнал Института.

Началось с того, что ламы притащили с холма огромный, более полутора ярда, камень, с трудом под силу двум людям. Установили походный алтарь и в длинном ряде ритуальных танцев, пенья и молитв изобразили разрушение злых сил.

Было и прокалывание щек. Был очень замечательный танец мечей с опрокидыванием на острия. Нужно отдать справедливость, что эта процедура требовала действительно большого навыка, ибо иначе два меча, упертые в живот, могли очень легко пронзить внутренности. Среди этих драматических эпизодов, как полагается, вставлялась и полужутливая интермедия. В ней под видом пастуха являлся властитель дикой страны, при этом шел вызывавший смех присутствующих диалог о невидимых сокровищах этого властителя. Но к концу мистерии все шутливые элементы замолкли и можно было заметить более сосредоточенное внутреннее приготовление. Кончились эти заклинания и приготовления тем, что один из лам лег на землю и двое других с усилием подняли приготовленный огромный камень, положили ему его на живот. В то время старый лама, тот, который прокалывал щеки и падал на мечи, подняв высоко круглый булыжник, величиною не менее двух человеческих голов, бросил с силою этот камень на камень, лежавший на животе ламы, и снова с той же силой бросил. При этом вторичном ударе длинный камень к изумлению присутствующих с треском распался на две части, освободив лежавшего ламу. Таким образом, тяжкий материальный мир был побежден, злые силы были сокрушены и мистерия закончилась веселым хороводом и пением лам под аккомпанемент тибетской расписной балалайки. Предварительную сцену перед наложением камня Эстер Лихтман успела снять, но надо сознаться, что в момент раскалывания камня на животе ламы все присутствующие забыли о фотографии и только глубоко вздохнули. Конечно, тяжки формы этой необычной мистерии о победе над низко-материальным миром, но

ведь не менее тяжки и действительные общежитейские материальные формы. Так же не забудем, что на разбиваемом камне был изображен углем и мелом человек, телесную сущность которого в предварительном ритуальном танце ламы прокалывали магическими кинжалами фурпа.

К нам ходит лама из Колонга. Юрий и лама Мингиюр записывают местные напевы, а Эстер Лихтман запишет музыкальный лад. Ходим смотреть старинные изображения на камнях. При этом еще раз убеждаемся, что чортены, прибавленные к старым изображениям охотников и нагорных баранов, являются более новыми дополнениями. Как и раньше думалось, эти круторогие, священные бараны – символы света и искатели их, неутомимые лучники, являются символами гораздо более удаленных Культов. Здесь мы опять прикасаемся к необъясненным еще солнечным Культам, напоминающим отдаленные зарождения друидизма и огненной свастики.

Опять посещение монастырей. Интересные книги об отшельниках. Опять любование с высоких плоских крыш на необозримые ледники, снеговые пики и глубокие долины с гремящими потоками. Тут и гора «Духовного отдохновения», тут и пик М, тут и манящие пути и на Ладак и к священному Кайласу.

Танцы лам. Незнающий называет их «Чертовыми плясками». «Бросьте эту глупую кличку. Танцы лам имеют глубокое символическое значение». «А как же рога?» «Покровители животного царства и повелители стихий имеют этот символ, но не имеют ничего общего с бесами. Скоро и лучи Моисея примете за рога, ох, уж это незнание!» Танцы, после долгого ритуала, полного вековых движений, закончились мистерией, посвященной черноголовому ламе, поразившему нечестивого царя Ландарму, жестокого гонителя веры.

Древнее урочище Карга. Остатки старинного укрепления. Чортены, менданги, выложенные камнями с молитвенными надписями. Говорят, здесь же и старинные могилы, но раскопку не ведем, чтобы не войти в контроверзу с археологическим управлением. Главное внимание привлекают многочисленные рисунки на скалах. Опять бараны и лучники. Очень древние. Лама Мингиюр с гордостью зовет к камню, на котором изображение меча. Вот почему задумывалась картина «Меч Гессар-Хана». Где же мы видели эти характерные формы меча-кинжала? Видели их в Минусинске, видели

на Кавказе, видели во многих сарматских и кельтских древностях. Все к тем же соображениям, к переселению народов ведет этот меч, так отчетливо запечатленный на древней, веками заполированной, коричнево-пурпурной поверхности камня. Знак ли битвы, знак ли мужественного прохождения? Или забытая граница? Победа?

Тут же и легенда о воинах Гессар-Хана, пришедших издалека и осевших здесь. Они же принесли и первую косточку персика. Конечно, это не монголы, дошедшие до Лахула в семнадцатом веке... Народная память бережет что-то гораздо более древнее и значительное.

А напротив, за рекою высоко на скале древнейший монастырь края Гандо-Ла, основанный самим Падмою Самбхавою. Древность седьмого, восьмого века. Старые зовущие места.

А вот и старый Пинцог, певец – сказитель саги о Гессар-Хане. Сидит степенно на полу моей мастерской и рассказывает, а затем и поет речитативом стих о великом герое Ладака, Тибета, Китая. Не от шестого ли века сложился этот напев и не от того же ли времени важные жесты певца? Кто может заподозрить в поношенной внешности Пинцога ритмичную плавность жеста и изысканные вариации импровизаций напева. Все отмечено, как собирается герой против врагов, как он раньше похода принимает мудрые советы сестры отца своего, как он готовит оружие... Пинцог мысленно, наглядно и осматривает доспех, и натягивает лук, и точно примечает врага на горах. «А знаете ли вы здесь, что в Каме есть палаты Гессар-Хана, где вместо балок лежат несметные мечи воинства Гессар-Хана?! «Не только в Каме, но и в Цанге воины Гессара сложили такой памятник» – вставляет слово примолкший лама. В один раз певцу не сказать всех Гессара подвигов. Нужно сказать и о мудрой жене героя Бругуме. Нужно не забыть сподвижников и все победы несокрушимого защитника правды. Чего не услышишь в горах, в Тибете, в Индии. Газеты только что писали о человеке, плававшем по Джумне, держась за хвост тигра. И это вовсе не сказка.

Доктор Индус пишет нам, что рак, это растущее бедствие человечества, совершенно неизвестен на Гималайских высотах.

Из Таши Лунпо лама доктор приносит Тибетские лекарства, среди них и средства от рака. Вспоминаем официальные удостоверения успешного лечения рака покойным бурятом доктором Бадмаевым. Лама Мингиюр сообщает о съедобных корнях, находимых в лесах

Гималайских, обещает достать их. От нашего друга полковника приходят сведения о том, что рабочие капитана Б. всю ночь были тревожимы появившимся великаном, который так напугал их, что они убежали с работы. К этому лама замечает, что и в Сиккиме известны случаи появления подобных великанов, вестников Дармапалы, посылаемых с предупреждениями или для предотвращения злобных действий. Так разнообразна жизнь.

Вот и дом такура из Колонга. Пратапа Чанда или по-тибетски Санге Дава. Старое здание по образцу тибетских укрепленных дворов. Хозяин и хозяйка встречают у входа. Слуги сверкают серебром и китайскою парчею. Гремят трубы лам. Прежде всего зовут на торжественную службу в домашнюю молельную. Много семейных реликвий. Много отличных танок. Тут и Шамбала, и Ригден-Джапо, и Миларепа, и многие подвижники. Служение идет по буианскому обряду. Затем показываются не только драгоценности, но и книги и доски для печатания. Это не простой дом, – такур – глава края, и в семье много накоплений. Конечно, кончается тибетским чаем и цампою. Тут же завязывается сговор о постройке дома. Говорят: «Честь нам, если великие люди приехали из больших мест в наше малое место».

И опять течет речь об изображениях на скалах, о нечитаемых надписях, о каменных могилах и о сокрытых книгах священных. Кроме мест в долине Кулу, называется еще место около Трилохната, где по преданию скрыты книги во время гонений свирепого Ландармы. Есть на горах и развалины каких-то древних жилищ. Говорится, что, когда пришли воины Гессар-Хана, то старые лахульцы ушли на вершины. От белого царя ушла Чудь по землю на Алтае, а жители Лахула на вершины. В историческом и археологическом отношении край мало исследован. Картина «Менгиры в Гималаях» будет напоминать о менгироподобных камнях, утверждаемых с древнейших времен и до наших дней на горных перевалах. Обычай этот имеет несомненную связь с древними менгирами Тибета, открытыми нашею экспедициею в 1928 г., подобными менгирам Карнака.

Картина «Три меча» пусть изображает древний рисунок на камне вблизи Киеланга, главного города Лахула. Лахуль в испорченном произношении означает южный Тибет. Местные изображения на скалах и камнях достойны изучения.

Ладак, Дартистан, Балтистан, Лахуль, Трансгималаи, часть Персии, Южная Сибирь (Иртыш, Минусинск) изобилуют разнообразными сходными в техническом отношении изображениями, невольно напоминающими скалы Богуслана и изображения ост-Готов и прочих великих переселенцев.

Изображения Ладака, Лахула и всех Гималайских нагорий распадаются на два главных типа. Тип Буддийский, дошедший и до нашего времени в виде изображения свастики (как буддийской, так и обратной, Бон-по), Льва, Коней Гессар-Хана, реминозных надписей, чортонов и прочих предметов культа.

Другой тип изображений, дошедший из времен более древних, в связи с добуддийским Бон-по и прочими культами огня, еще более увлекателен по своей загадочности, по своему своеобразному друидизму, так интересному в связи с изучением великих переселений.

Главный сюжет этих изображений (частью воспроизведенных в трудах Д-ра Франке, 1923), – горный козел, являвшийся символом огня. Среди изображений этих по технике можно различить целый ряд наслоений от древних (сходных со шведскими halristingar) до новейших, доказывающих внутреннее существование какого-то культа.

Кроме горных козлов, во всевозможных комбинациях, можно видеть изображения солнца, руки, танцы ритуальных фигур и прочие знаки давнего фольклора. Этот тип изображений с древнейшими традициями дает любопытные изучения.

К прочим изображениям нам удалось прибавить еще два ранее не указанных. В урочище Карга и около самого Киеланга (Лахуль) найдены нами изображения мечей. Значение этих изображений загадочно, но особенно интересно, что форма их совершенно совпадает с формой бронзовых мечей и кинжалов Минусинского сибирского типа, так характерных для первых великих переселенцев. Не будем делать ни предположений, ни тем более выводов, но занесем эту поучительную подробность как еще одну путеводную веху.

Не забудем, что старый католический миссионер сообщал, что место Лхасы называлось Гота.

Развалины древних храмов Кашмира поразительно напоминают основы аланских построек, так расцветшие в формах «романского стиля». Де Ла Валле Пуссен сообщает об иноземцах-строителях храмов Кашмира. При этом Стен Конов указывает на принадлежность

Ирилы к племени Гаты, что по его заключению означает Готы. Все такие знаки очень полезны в теме о великом переселении народов.

Телеграмма из Ле. Экспедиция Института пришла благополучно. В караване ни болезней, ни потерь. Коллекции превосходны. Так и думали, что Ладак не разочарует наших собирателей. Опять предстоят поучительные опыты. Кто же не зажжется чудесами Гималаев?

Откуда же происходит эта необыкновенная заманчивость путей Азиатских? Горы установились не преграждающими великанами, а зовущими путевыми вехами. Из-за вершин сверкает сияние Гималайского снежного царства. Местные люди, те, которые слышали о чем-то, почтительно указывают на эти сияния. Ведь оно сверкает от труда, из самой башни великого Ригден-Джапо, неустанно трудящегося во благо человечества.

А вот и редкое изображение самого Великого Гессар-Хана. Около воителя собраны знаки его перевоплощений и все то памятное, что не должно быть забыто в этой великой эпопее. На ступенях трона стоят тибетские сапоги. Ведь это те самые сапоги-скороходы, отмеченные в подвигах Гессар-Хана. Но стоят они близко, это значит, что великий воитель нового мира уже готов к подвигу. Скоро он войдет.

1931

Н.К. Рерих. Твердыня пламенная. Нью-Йорк, 1932

УРУСВАТИ

*(Обращение Президента-Основателя по случаю трехлетия
Гималайского Института научных исследований)*

24-го июля 1928 года было положено основание Гималайскому Институту научных исследований. Обернемся на это трехлетие и посмотрим, где стоим мы?

Институт уже имеет свое помещение в Наггаре, в лучшей долине Пенджаба. Уже положено основание Музея Института, как в Наггаре, так и в Нью-Йорке. Трехлетие застает нас над сооружением стен биохимической лаборатории с отделом борьбы против рака. Когда мы читаем в недавней прессе статистику доктора Гофмана, показавшую, что в одной Америке за один год погибает сто двадцать тысяч человек от рака, то можно представить себе, насколько своевременно и это

начинание Института. Когда же мы читаем отзывы выдающихся ученых о необходимости исследования целебных веществ на местах, а не по претворенным спиртом тинктурам, то и в этом видим, насколько место Института среди наиболее богатой для исследований Гималайской области уместно и нужно.

Не забудем, что долина Кулу, собравшая в себе все величественные имена человечества, начиная от Ману, Будды, Арджуны, всех героев Пандавов, Виасы, Гессар-Хана, является исключительной местностью, научная ценность которой еще только начинает выявляться, но и в начале своем поражает богатейшим материалом. Как в историческом, археологическом, филологическом, так и в ботаническом, геологическом и физическом отношении Институту предстоит, как уже и теперь видно, плодотворнейшая работа.

Не забудем, что из тридцати шести месяцев существования более восьми месяцев ушло на прискорбные и совершенно ненужные трения, нанесшие глубокий как денежный, так и моральный вред. Но по обычаю нашему, следуя лишь положительными вехами жизни, не будем останавливаться на отрицательных явлениях. Будем признательны всем помогавшим культурному начинанию и предадим забвению тех, кто по невежеству пытался мешать научной работе. Но даже за вычетом указанного промежутка времени мы имеем ряд выдающихся положительных результатов. Под руководством ботаника Института Институтом были организованы пять экспедиций в самой долине Кулу, в Лахуль, в Бешар, в Кангру, Лахор и в настоящее время протекает экспедиция в Ладак и Занскар, которая, будем надеяться, даст такие же богатые результаты, как и вышеназванные местности.

За время указанных экспедиций собраны богатые ботанические коллекции, которые обогатили не только музей Института, но и были принесены в дар университету в Мичигане, Ботаническому саду в Нью-Йорке и Музею естественной истории в Париже. При этом доктор Меррил, заведующий Ботаническим садом Нью-Йорка, равно как и профессор Манжен, директор Музея естественной истории Парижа, отметили высокое значение собранных коллекций, среди которых находится целый ряд новых видов, в настоящее время изучаемых этими выдающимися учеными.

Наряду с ботаническими коллекциями, в Институте составились и многочисленные коллекции орнитологические и зоологические, которые хранятся в музеях Института, а около четырехсот экземпляров направлено в музей Гарвардского университета в Кэмбридже.

Кроме естественнонаучных изысканий, под руководством директора Института Ю.Н. Рериха производится ряд работ по местному языковедению, истории и археологии. Во время пребывания нашего в Пондишери во Французской Индии, при посредстве члена-корреспондента Института, члена католической миссии Фушэ, было произведено обследование местных добуддийских погребений в урнах и саркофагах. Директором Института закончено два научных труда, ныне изданных – один в издательстве Уэльского университета о нашей Среднеазиатской экспедиции и другой о Зверином стиле, изданный Семинарией имени Кондакова в Праге. В настоящее время директор Института в сотрудничестве с известным знатоком тибетской литературы ламою Мингиюром занят изучением и переводом книг по тибетской медицине, а также составлением грамматики лахульского языка и другими исследованиями тибетской литературы, которые будут опубликованы в ближайшем будущем.

К сроку трехлетия Института вышел и первый «Ежегодник» за тридцатый год, в котором участвуют президент Археологического института в Америке доктор Маггофин, известный французский археолог граф де Бюиссон, биохимик Гарвардского университета В. Перцов и директор Института. Номер «Ежегодника» посвящен выдающемуся санскритологу проф. Ланману, состоящему почетным советником нашего Музея по отделу науки. Нельзя не отметить, что за последнее трехлетие состав почетных советников по отделу науки усилился крупнейшими научными именами, как то проф. Милликен, проф. Раман, проф. Метальников, докт. Свен Гедин, проф. Эйнштейн, сэр Джагадис Боше, докт. Меррил.

По отделу археологии, кроме докт. Маггофина, принимает участие докт. Хьюитт.

Члены-корреспонденты Института находятся как в Америке, Европе, так и в Африке и Азии, при этом многие университеты и научные учреждения выразили желание кооперировать как собраниями, так и печатными трудами. Карнеги Фаундешэн сделала

щедрое пожертвование библиотеке Института, целый ряд издательств выразил желание обмениваться изданиями.

Следует выразить искреннюю признательность комитету, собиравшемуся под председательством г-жи Иттelson; в результате работ этого комитета получился ряд пожертвований и открылись возможности для расширения последующих работ.

Вступая в новое трехлетие, мы должны еще раз подтвердить особую пригодность избранного места для Института; среди Гималаев именно здесь неизвестен бич человечества, рак, а, кроме того, тибетская медицина с давних времен имеет в своем распоряжении средства против рака и туберкулеза, удачно применявшиеся. Конечно, подобные средства должны быть исследованы самым точным и беспристрастным образом. Почва Гималайских долин отличается необыкновенною плодородностью, позволяющей совмещать самые различные посадки, начиная от альпийской флоры почти до тропической. Как показали наши начальные коллекции, среди местной растительности имеются много новых видов.

Теперь перед нами ближайше стоит работа по установке электрической станции и по оборудованию биохимической лаборатории с отделом борьбы против рака. Ибо где же изучать условия рака, как не в местности, где он вообще неизвестен ~ как здесь, в Гималаях? Мы знаем, что нужны будут новые средства, но мы и не сомневаемся, что они придут, ибо общественное мнение само отмеривает по размерам культурной задачи. Существует такое прекрасное понятие, как пространственная справедливость. При жизненности начала всегда является та сужденная помощь, которая позволяет не сокращать размеры и не умертвлять культурные построения, так необходимые человечеству.

Итак, мы вступаем в новое трехлетие полные сознанием, что работа наша неотложно нужна, что поле деятельности выбрано правильно и сочувствие друзей и широких культурных слоев обещает мощное развитие общепользных построений.

Там же, где общая польза, там мы не отступим и сохраним энтузиазм, обращая все препятствия в светлые возможности.

1931

Н.К. Рерих. Твердыня пламенная. Нью-Йорк, 1932

ПОДВИЖНОСТЬ

Лама Мингиюр уезжает в монастыри. Наверно, опять соберет много значительных сведений и по старым преданиям, и по всяким лекарственным вопросам. Очень хорошо, что он едет. В этой подвижности заключается именно то качество, которое я всегда советовал нашим сотрудникам. Вот и лекарь Дава Тяньзин тоже уходит в горы. Если он не будет обновлять своих запасов, если перестанет встречаться с другими лекарями-ламами, то и его запас скоро оскудеет. Вот и еще двое сотрудников выехали. Один – в Лагор, а другая – за океан.

Когда мы основывали институт, то, прежде всего, имелась в виду постоянная подвижность работы. Со времени основания каждый год происходят экспедиции и экскурсии. Не нужно отказываться от этой уже сложившейся традиции. Если все сотрудники и корреспонденты будут привязаны к одному месту, то сколько неожиданных хороших возможностей замерзнут. Ведь не для того собираются люди, чтобы непременно, сидя в одной комнате, питать себя присылаемыми сведениями. В этом была бы лишь половина работы.

Нужно то, что индусы так сердечно и знаменательно называют «ашрам». Это – средоточие. Но умственное питание «ашрама» добывается в разных местах. Приходят совсем неожиданные путники, каждый со своими накоплениями. Но и сотрудники «ашрама» тоже не сидят на месте. При каждой новой возможности они идут в разные стороны и пополняют свои внутренние запасы. Недаром давно сказано, как один настоятель монастыря, когда братия уходила в странствия, говорил:

«Наша обитель опять расширяется».

Казалось бы, братия уходила, но настоятель считал именно это обстоятельство расширением обители.

Впрочем, сейчас всякий обмен научными силами, всякие экспедиции и странствия становятся уже непременным условием каждого преуспевания. При этом люди научаются и расширять пределы своей специальности. Странник многое видит. Путник, если не слеп, даже невольно усмотрит многое замечательное. Таким образом, узкая

профессия, одно время так овладевшая человечеством, опять заменяется познаванием широким.

Часто даже, казалось бы, удаленные друг от друга, области становятся благодетельными сотрудниками. Конечно, так и должно быть, ибо последние устремления человечества, основанные на сотрудничестве, на кооперации, прежде всего, научают синтезу. Еще недавно очень боялись этого объединительного понятия. Помним, как Анатоль Франс и многие другие просвещенные писатели тонко иронизировали над чрезмерной специализацией. Действительно, в природе так все кооперирует, настолько все слито и уравновешено, что лишь сознательное сотрудничество людей ответит этим основным законам всего сущего.

Полезность путешествия и всестороннего познания, вероятно, никогда настолько не занимала умы, как сейчас. Скоро земной шар будет испещрен пройденными путями. Но это будет все-таки лишь первичная степень познания. И на каждом этих путях нужно будет и взглянуть высоко наверх, и глубоко проникнуть внутрь, чтобы оценить все разнообразие возможности, так недавно вообще не замеченное.

Опасно одно, что среди всяких поездок развивается слишком много спортивных поездок и состязаний. В этих чисто внешних механических соревнованиях теряется многое, что нужно было бы особенно наверстать в наши дни. Всякие соревнования на силу, неутомимость, на скорость, нужно бы перенести и на скорость, и глубину мышления, и познания. У каждого в запасе много анекдотов, всяких школьных недоумений и странностей; не будем их повторять. Но будем очень твердо помнить, что не следует устремляться лишь к техническому образованию.

Всякие ограниченно условные техникумы уже являются пережитком перед опять властно возникающим понятием синтеза. Если техникум где-то упирается в работа, то глубоко осмысленный синтез дает новую широту горизонта. Основывая отделы учреждений в разных странах, мы именно имели ввиду, что когда-то и как-то произойдет теснейшее общение всех сотрудников. Они обогатят друг друга, они ободрят друг друга и перекликнутся самыми неотложно полезными понятиями. Если же в учреждениях явится какая-либо возможность для новых познаний, экспедиций, посещений, то пусть эта возможность не откладывается.

Будем продолжать уже сложившуюся традицию взаимных ознакомлений. Будем смотреть на каждое новое посещение мест нашими сотрудниками, как на истинное развитие просветительного дела. А для этого, прежде всего, будем развивать истинную подвижность.

Когда говорим о подвижности, то не будем думать, что она близка многим. Не мало людей любит говорить о подвижности. Сидя в спокойных креслах за вечерним столом, они готовы очень легко помечтать, подняться, ехать, творить и работать на новых местах. Но, как только дело дойдет до выполнения этих мечтаний, многие найдут десятки причин, им мешающих. Каждый из нас может припомнить, даже и в недавнем прошлом, поучительные эпизоды, как уже совсем было собравшиеся в путь дальний бессильно опускались в свое насиженное, спокойное кресло. Причины отступления, конечно, были и многочисленны, и как бы житейски уважительны.

Когда человек хочет оправдать себя в неделании чего-либо, то, поверьте, он найдет множество помогающих обстоятельств. При этом, неподвижность будет оправдана очень многими. А подвижность, т.е. желание нового труда, нового познания – будет очень легко осуждена. Будет сказано и о пустом мечтательстве, о несбыточных стремлениях, о легковерии, мало ли о чем найдет сказать изворотливый рассудок, когда он хочет уклониться от чего-то подсказанного сердцем.

Сколько раз мы читали письма, полные устремления в даль, полные готовности к обновленному труду, но, как только вы спрашивали сего писателя, когда он может выехать к новому поприщу, как он впадал в престранное молчание. Очевидно, вся бытовая запыленность обрушивалась и приводила к молчанию язык сердца. Выползали всякие рогатые сомнения, выслушивались всякие нелепые соображения и утеривалась еще одна возможность.

Мало того, что утеривалась она лично; она могла отягощать и вредить множеству и близких и дальних людей.

Ради призрачной помощи немногим, забывалось сотрудничество и помощь в очень больших делах. Основной же причиной все-таки оказывалась неподвижность, прижитость к своему просиженному креслу. А ведь за неподвижностью встает и призрак страха перед каждою новизною вообще. Этот призрак ведет к ветхости и дряхлости.

Когда же наступит такое разложение, то никакими внешними мерами уже не помочь.

А сколько раз ничто иное, как какие-то несчастные вещи делали людей неподвижными. Мы сами видели весьма прискорбные примеры, когда люди, казалось бы, интеллигентные, из-за вещей обрекали себя на самое печальное существование. Ох, уж эти вещи! Эти мохнатые придатки пыльного быта. Иногда они начинают до такой степени властвовать, что голос сердца при них кажется не только неправдоподобным, но даже как бы неуместным.

Всегда радуюсь, когда вижу в сотрудниках подвижность.

1935

Н.К. Перих. Врата в Будущее. Рига, 1936

УРУСВАТИ

Уру и Свахи – древние имена, встречаемые в Агни Пуранах. Урусвати – Гималайский институт научный исследований начался в 1928 году под самыми хорошими знаками. Гималаи являются неистощимым источником не только аюрведических исследований, но и со стороны исторической, философской, археологической и лингвистической всегда будут неисчерпаемы. Место института в древней долине Кулу или Кулута тоже было удачно. В этих местах жили риши и мудрецы Индии. Многие легендарные и исторические события связаны с этими нагорьями. Тут проходил Будда и в свое время процветали десятки буддийских монастырей. Здесь находятся развалины дворцов Пандавов, пещера Арджуны, – здесь собирал «Махабхарату» риши Виаса. Здесь и Виасакунд – место исполнения желаний. Но не все, видно, желания исполняются. В самое короткое время были собраны богатые ботанические и зоологические коллекции, накапливался местный лекарственный материал, шли записи и лингвистические исследования. Коллекции посылались и в Ботанический сад Нью-Йорка, и в Музей естественной истории там же, в Нью-Гарденс в Англию, и в Академию наук в Ленинграде, и в Ботанический сад в Париже. Кроме того, местные растительные экстракты посылались в Европу для терапевтических анализов. Пospел целый обширный тибетско-английский словарь, уже готовы

исследования лахульского и амдосского диалектов. Журнал института за три года своего выхода и по содержанию и даже по объему все возрастал, и был установлен обмен научных изданий и корреспонденция со всеми странами мира. Среди членов и сотрудников института закрепились имена: доктор К.К. Лозина-Лозинский, полковник А.Е. Махон, доктор Г. Лукин, лама Лобзанг Мингюр Дордже, махапандит Рахул Санкритьяна, лама Чомпел, ботаник Султан Ахмад, покойный профессор Кашиап, покойный знаменитый биолог Индии Джагадиш Чандра Боше, лама Лобзанг Цондю, лама Дава Тензинг, член Нанкинской академии доктор Кенг, профессор Е.Д. Меррил, много-много ценных сотрудников. Много потрудился и директор Института Юрий и секретарь института Шибаев, а сколько трудов положил Святослав и по медицинским экстрактам и по ботаническим собираниям. Были уже налажены показательные питомники, и вдруг загрохотали американские финансовые кризисы. Зашумело европейское смущение. Пресеклись средства. Одними картинками не удастся содержать целое научное учреждение. Давали все, что могли, а дальше и взять негде. Между тем общий интерес к Гималаям все возрастает. Ежегодные экспедиции направляются сюда со всех концов мира. Новые раскопки раскрывают древнейшие культуры Индии. В старых монастырях Тибета обнаруживаются ценнейшие манускрипты и фрески. Аюрведа опять приобретает свое прежнее значение, и самые серьезные специалисты опять устремляются к этим древним наследиям. Стоит лишь вспомнить, какие интересные исследования произвел доктор Бернард Рид, доказавшие, что основы древнейшего письма близки нынешним открытиям. Все есть, а денег нет.

1938

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М., 1974

НА ОСТРОВЕ

Сперва мы оказались отрезаны от Вены, затем от Праги. Отсеклась Варшава, о смерти Янушкевича узнали случайно позднее. Постепенно стали трудными сношения с Прибалтикой. Швеция, Дания, Норвегия исчезли из переписки. Замолк Брюгге. Замолчали

Белград, Загреб, Италия. Прикончился Париж. Америка оказалась за тридевять земель, и письма, если вообще доходили, то плавали через окружные моря и долго гостили в цензуре. Вот и в Португалию уже нельзя писать. На телеграмму нет ответа из Риги. Дальний Восток примолк. Из Швейцарии Шауб-Кох еще двадцатого мая просил срочно прислать материалы для его книги. Но и Швейцария уже оказалась заколдованной страной. Всюду нельзя. И на Родину невозможно писать, а оттуда запрашивали о травах. Кто знает, какие письма пропали. Кто жив, а кто уже перекочевал в лучший мир?

Наконец, обнаружилось, что и в самой Индии началась цензура. Оказалось, что цензором в Кулу не кто иной, как местный полицейский. Вполне ли грамотен? Проявил он свой досмотр тем, что по небрежности вложил свою записку в письмо ко мне. Хорошо, что еще не всунул что-либо иное. Итак, культурная работа обрывается. Правильно, что еще в сентябре поняли, что существование «Флаамы» невозможно. Огромное большинство подписчиков недостижимо. [...] Грустно видеть, как события обрубают все ветви работы. И не вырасти новым побегам на старых рубцах. Будет что-то новое, но когда? И сколько энергии потребуется, чтобы опять начать новую пряжу? Точно бы на острове оказались. Помню, когда мы были на Ладого, «на Святом острове», почудилось настроение отрезанности. Наверное, многие друзья, живущие в нейтральных странах, не вполне понимают нашу степень отрезанности. Печатное заграничное слово еще недавно доходило, а от нас печатного посылать нельзя. Говорят, и радио будет воспрещено. Что же еще будет отрезано? Сколько спешного могло быть в пути, и в какую бездну оно провалилось?

1940

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М., 1974

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Война все перевернула. Вся жизнь изменилась. Только в условиях скоротечного быта люди иногда не чувят, насколько все кругом и загорелось и замерзло, а то и просто провалилось.

В 1926 году было уговорено, что через десять лет и художественные и научные работы будут закончены. С 1936 начались

письма, запросы. Г.Г.Ш. извещал, что Суриц предложил пожертвовать для музеев четыре картины. Наше французское общество писало Верховному Совету о Пакте. Писали в Комитет по делам искусства. Посылали книги. Ждали вестей. Незаметно подошли армагеддоновы времена. Удивительно оглянуться на обвалы и всякие мировые перестановки.

Переписка прекратилась. Множество людей показалось несуществующими. Надо думать, что и это мираж, и друзья где-то и как-то все же существуют, но физически они неосвязаемы. Сколько писем осталось без ответа! И как догадаться, в какой пучине они опочили? Может быть, даже не вышли за пределы Индии? Ведь мы союзники, но как сие понимаемо? Вот почта стала еще отвратительнее. А сказать друзьям так много.

Нынче исполнилось четверть века наших странствий. Каждый из нас четверых в своей области накопил не мало знаний и опыта. Но для кого же мы все трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы перевидали и радости, и трудности, и опасности. Много где нам удалось внести истинное понимание русских исканий и достижений. Ни на миг мы не отклонялись от русских путей. Именно русские могут идти по нашим азийским тропам.

И Юрий и Святослав умеют сказать о ценностях народных. Умеют доброжелательно направить молодое мышление к светлым путям будущего. Юрий – в науке, Святослав – в искусстве прочно укрепились. Разве для чужих? Велики находения Елены Ивановны. Ее записи найдут живой отклик в сердцах искателей-мыслителей. Разве для чужих? И «Александр Невский», и «Ярослав», и «Святогор», и «Микула», и «Настасья Микулична» прошли по Индии и останутся во славу народа русского. И «Сергий Радонежский», и «Древний Новгород», и «Нередица», и «Открываем врата», и «Вестник» – все напомним о братском народе, о неделимой, дружной, великой семье народов. Для народа русского мы трудились. Ему несем знания и достижения.

1942

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М., 1974

НА ВЫШКЕ

«На вышке бывает холодно, – рассказывал наблюдатель, – так пронзительно холодно, шевелиться нельзя. Делаешься не человеком, а мохнатым комом хвои на вершине косматой сосны. Не знаешь, неужели в этом полузамерзшем бездействии заключена важнейшая задача?!

Тоненький, неживой проводок напоминает о напряженном действии там внизу, за лесом. Там чье-то ухо должно ловить мои краткие указания, будет верить им. Может быть, тысячи людей будут спасены единым словом. Если оно, этожданное слово не придет, то и без него самое молчание окажется кому-то спасительным.

Но пока холодно на вышке. Точно забытый, точно покинутый, точно ненужный! Шальной снаряд может скосить и всю сосну и охапку защитной хвои. Тогда-то дела совершатся и без провода. Может быть, еще лучше совершатся, а вышка окажется вообще ненужной. Тягостно чувство ненужности.

Кто знает, не ушли ли вообще. Не переменялось ли вообще построение. Не забыли ли об одинокой вышке? И знаю, что не забудут, знаю, что вышка эта очень нужна. Но холодно на вышке. Ветер пронзителен.

Балагуры грегочат: «Эй вы, аисты на крыше. Мы тут гранаты кидаем, а вы шишками сосновыми бросаетесь». Засмеют, не понимают значение вышки. Не знают, как одиноко на вышках.

Забытые! И знаешь, что нужен, а все же подчас накапливает какая-то ненужность. Поди, уговори себя, что и в молчании держишь нужный дозор...»

Много вышек в жизни. Многие нужнейшие держатся дозоры. Приносится неотложная польза. Только при всем том бывает на вышках одиноко. Слышите ли? Отзоветесь ли?

Великая годовщина. Три года войны. Три года героических подвигов. Три года народных испытаний и преуспеваний. Победы, русские победы гремят. От Гималаев сердечный привет народу русскому.

1944

Н.К. Рерих. Из литературного наследия. М., 1974

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Из архива Международного Центра Рерихов

ПИСЬМА Ю.Н. РЕРИХА К Е.И. РЕРИХ

Публикуется впервые

Пер. с англ. Т.В.Егороеой

С самого основания Гималайского Института научных исследований его бессменным директором с 1928 по 1939 гг. был выдающийся ученый, востоковед Юрий Николаевич Рерих.

С момента создания Института, Ю.Н. Рерих взял на себя основную часть работы по организации финансирования и планирования конкретных научных исследований по всем направлениям деятельности «Урусвати». Большое внимание уделял он привлечению известных ученых к работе Института, руководил всей его издательской деятельностью. Эту многоплановую организационную работу Ю.Н. Рерих совмещал с собственными научными исследованиями, экспедициями и пр.

Публикуемые документы, раскрывающие мало известную до сих пор сторону деятельности Ю.Н. Рериха, хранятся в рукописном отделе МЦР. Они были переданы С.Н. Рерихом в 1990 г. со всем рукописным наследием. В настоящее время продолжается его научная обработка. Подлинники писем от 28 сентября 1929 г., 15 февраля 1930 г., 22 августа 1930 г., 18 октября 1930 г., 18 октября 1930 г. написаны по-русски. Остальные – по-английски.

Нью-Йорк, август 14, 1929

Дорогая мамочка!

На этой неделе нам не было писем от тебя и Эстер [1]. Я получил книгу по Кундалини Йога, за что очень благодарен. Я всегда помню о возможности заняться исследованием этой темы. Я деятельно занимаюсь подготовкой планов будущих научных изысканий и уже установил некоторые полезные для этого контакты. Похоже, что мы достигнем некоторых успехов. Я не люблю говорить преждевременно, но перспективы представляются мне обещающими [2].

Основное здание [3] почти закончено и на 65% сдано съемщикам. Помещение для тибетской библиотеки Канджур и Танджур будет готово через несколько дней. Завтра мы начнем его расписывать. Выходец с Востока работает там под моим наблюдением.

Госдепартамент уведомил нас, что они попросили Генерального консула США выяснить причину отказа в визах [4]. Мы также обратились в Британское посольство, и они обещали все выяснить и уведомить нас. Мы получили очень дружественное письмо от мистера Дрейзера, и пока написал ему о проблемах с регистрацией.

Папа выглядит хорошо. Он привлек к нашему делу немало новых сотрудников. Воган говорил мне, что немало людей понимают значение дела Отца. Сейчас музей является национальным учреждением и заметным памятником Центральной Америки.

Я надеюсь закончить к концу этой недели рукопись моей книги [5] об Экспедиции.

Пожалуйста, напиши нам о своем здоровье и жизни. Жарко ли у вас? Большой ли урожай фруктов? Владимир [6] написал мне о лошадях и собаках. Я рад узнать, что Баракмар сделал успехи. Я надеюсь, что медведи и леопарды больше не беспокоят вас. Пожалуйста, пишите мне о своих заботах, я буду рад сделать для вас все возможное. Получили ли вы «Священные книги Востока», которые я недавно отправил вам? Я очень рад был узнать, что Людмила и Рая [7] заботятся о моих книгах. Здесь же я до сих пор не смог найти свои книги. Все говорят, что они на складе. Я надеюсь получить их через пару недель и тогда вышлю вам «Астрономию» Игнатьева, а также несколько моих старых учебников для девочек.

Прилагаю к письму уникальный портрет моего брата Светика [8]. Вы, понятно, оцените его. Он совсем не изменился. Мы надеемся, что он скоро будет с нами. Он делает все, чтобы снять жилье.

Со всей любовью и признательностью. Твой сын
Юрий Р.

P.S. Получила ли Эстер мое письмо? Негативы наших фото найдены после почти 6 недель поисков.

[1] Эстер Лихтман – сестра Мориса Лихтмана, вице-президента Нью-Йоркского Музея Рериха.

[2] В 1929-1930 гг. Ю.Н. Рерих вел интенсивные переговоры в США с благотворительными фондами, исследовательскими институтами о финансировании научных программ «Урусвати» и об участии отдельных ученых в осуществлении этих программ.

[3] Имеется в виду здание музея Рериха в Нью-Йорке. Музей был открыт 17 октября 1929 г.

[4] 1 июля 1929 г. Н.К. Рерих и Ю.Н. Рерих запросили английские власти о выдаче им въездных виз в Индию, где в это время находилась Е.И. Рерих. Несмотря на то, что в их поддержку выступили многие известные общественные и государственные деятели Европы и Америки, английское правительство продолжало отказывать. Лишь 5 декабря 1930 г. английский консул в Пондишери выдал им въездные визы.

[5] Речь идет о книге Ю.Н. Рериха «Тропами Центральной Азии». 'Trails to Inmost Asia. Five Years of Exploration with the Roerich» Central Asian Expedition. New Haven-London, Iale Univ. Press-Oxford Univ. press XX. 1931.

[6] Владимир Анатольевич Шибяев, секретарь Н.К. Рериха.

[7] Людмила Михайловна и Ираида Михайловна Богдановы.

[8]Святослав Николаевич Рерих.

* * *

310. Ривер сайд Нью-Йорк Сити, сентябрь 4, 1929

Дорогая мамочка!

Светик приехал в прошлый вторник, и мы все радуемся, что он снова с нами.

Он выглядит намного лучше, и его длительное пребывание в Швейцарии явно пошло ему на пользу. Сейчас он временно живет в Ритц Тауэр. Мы надеемся переехать в наши апартаменты к 15 сентября. Папа и брат будут жить на 23 этаже, а я на верхнем. Съемщики квартир уже зашевелились, и ежедневно 15-20 семей завозят мебель и другие вещи. Наплыв сильнейший. По-видимому, гостиница будет пользоваться успехом. В нижнем этаже красивые затемненные окна. Начали приходить ученики записываться в Институт искусств. «Корона Мунди» также начинает свою деятельность. «Урусвати» имеет свой отдельный офис на учебном

этаже. Мы только что вернулись из Вашингтона. Госдепартамент послал еще одну телеграмму консулу Фрейзеру, и мы надеемся, что дело прояснится.

У меня была интересная встреча в институте Карнеги, и, я думаю, мы сможем надеяться на плодотворное сотрудничество. Они предлагают помочь в создании нашей библиотеки и в других областях научной деятельности. Мне предложили написать статью для журнала «Нейшенел Джеографик» за 500 долларов и прочесть лекцию – за 300, неплохо? Лекционный тур начинает вырисовываться, и у меня есть разные возможности опубликовать свои статьи.

Сейчас я безумно занят перепечаткой моей книги для издателя. У меня есть стенографистка, которая занимается этим, но тем не менее все же эта работа отнимает ужасно много времени.

Последние четыре дня в Нью-Йорке была ужасная жара, +94°, +95° по Фаренгейту, в газетах пишут, что жара продлится.

Мы были очень рады получить письмо от Владимира с приложенным планом и подробностями проведения электричества. Мы также оценили две фотографии яблок из Кулу. Если возможно, пришлите нам побольше снимков, где изображены вы и ваша жизнь в Кулу. Асвагхоша Бодхикариаватара («Священные книги Востока») давно отосланы вам и, я надеюсь, что вы уже получили их. Пожалуйста, напишите мне обо всех ваших заботах, и я буду счастлив разделить их с вами.

Я рад узнать, что девочки хорошо заботятся о моих книгах и воюют с книжными вредителями.

Получила ли Эстер мое письмо? Как поживает капитан Бэнон? Я надеюсь, прачечная приносит доход. Не жарко ли у вас? Были ли хорошие дожди? Нужны ли вам семена овощей?

С наилучшими пожеланиями и большой любовью Твой преданный сын Юрий Р.

* * *

New-York September – 28 ih, 1929

Родной мой Масик!

Получили Ваши письма от 31-го августа и радовались узнать о Вашей бодрой работе и настроении. За последние дни у нас многое

произошло. Вы уже знаете из нашей телеграммы, что умерла Oriole [1]. Девочка ушла тихо после припадка астмы в 5-30 утра. Louis и Nettie приняли этот удар с замечательным мужеством духа. Во время похорон папа оставался с Nettie на квартире, и после разговора с пасиком Nettie вышла как бы перерожденная. Mrs. Grant [2], которая зашла к ней, воскликнула в удивлении: «I came to see sadness, but found happiness [3]. Большая победа духа!

Сейчас переживаем напряженное строительное время. Hotel функционирует уже четыре недели. В Музее пришлось переменить «бурлап» на Japanese paper [4]. Сегодня начинаем вешать картины. Весь New-York говорит о Roerich museum, и начинают приходить люди. Вчера приходил человек от Mrs. Rockefeller. Очень интересовался учреждениями, предлагал устроить свидание. Подходит крупная возможность Итальянского культурного центра. Работать приходится много. Только что закончил каталог для Тибетской выставки, которая также открывается 17-го октября. Тибетская библиотека также заканчивается. «Урусвати» начинает получать в дар книги для библиотеки. Начну скоро их пересылать вам. У Радны [5] среди ее книг нашел английский перевод книги Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана». Она утверждает, что у нее имеется также русский текст этой книги, которую она обещала переслать Тебе. Мне помнится, Ты интересовалась этой книгой.

В отдельном пакете посылаю Asvaghoshas Awaking of Faith [6] список твоих книг, составленный Радной и в настоящее время находящийся у меня, а также нашу старую кулинарную книгу. Пусть Людмила Вам что-либо приготовит.

Радовался слышать о Вашем зоологическом саде. Мальчик Юрик уехал и оставил лошадок, собачек, пушки и прочие детские игрушки. Попроси capt. Vannon [7] начать собирать гербарий лекарственных растений, обозначая каждое растение его туземным названием, тибетским и индустани. Это будет началом коллекции.

Крепко Вас всех обнимаю.

Любящий Ю.

Надеюсь, смогу скоро вернуться.

[1] Дочь Луиса и Нетти Хорш.

[2] Френсис Грант, редактор бюллетеня Нью-Йоркского Музея Рериха.

[3] Я думала, что увижу печаль, а увидела счастье.

[4] Японские обои.

[5] Зинаида Григорьевна Лихтман (Фосдик), член Правления Нью-Йоркского музея Рериха, позднее его директор.

[6] Книга Асвагхоши «Пробуждение веры».

[7] Капитан Бэнон, сотрудник Гималайского Института научных исследований «Урусвати», занимался созданием гербария лекарственных растений.

* * *

Нью-Йорк, октябрь 28, 1929

Дорогая мамочка!

В связи с возобновлением деятельности все приобретает более определенную форму. У нас каждый день по 2 тысячи посетителей в музее, что говорит о необычном интересе к нему. Дейл получила комнату в здании Музея, и теперь есть возможность и другим получить. Я надеюсь, что у папы скоро появится немного времени для себя.

Исследовательский институт формируется. У меня было несколько интересных и полезных встреч с членами фонда Рокфеллера. Я надеюсь, что мы сможем начать научную работу уже этой весной. Не могу передать, как я хотел бы вернуться в Кулу и увидеть вас всех. Мы часто говорим об этом с папой и братом. Я надеюсь, что смогу это осуществить скоро. Моя первая лекция [1] в университетском клубе в Миддлтауне Конн[ектикут] прошла очень успешно, слушатели проявили исхреннюю заинтересованность. Следующая лекция будет 5 ноября в Мичигане. Очень много приходит интересных людей. Папа сообщает о них регулярно, так что я не буду о них писать. Мне немного грустно, что нет времени для научной работы. Статьи, которые я пишу, должны быть популярны, а потому я не получаю удовольствия от их написания.

Получили ли Вы книги, что я послал с последней почтой? Мы опечалились, узнав о болезни Раи. Я надеюсь, она уже поправилась.

Пожалуйста, попросите Владимира прислать мне размеры для обоев в моей комнате. Я планирую привезти для нее японские.

Я счастлив узнать, что за моей библиотекой хорошо следят. Получила ли Эстер мое письмо?

С любовью и наилучшими пожеланиями всем.

Твой преданный сын

Ю.Р.

[1] В 1929-30 гг. Ю.Н. Рерих прочитал цикл лекций по истории, культуре и искусству Востока в университетских городах США.

* * *

Нью-Йорк, ноябрь 17, 1929

Дорогая мамочка!

Твое письмо от 19.10.29 вызвало большой духовный подъем у нас. Оно так было нужно нам здесь, без сомнения, папа напишет тебе о маленьких житейских недоразумениях, В конце концов, люди есть люди, и каждый пытается судить по своим меркам.

Объективность – это привилегия богов.

Последние 2 недели было трудновато из-за общего падения на Бирже. Но сейчас шаги, предпринятые правительством, позволяют надеяться на скорое улучшение. Многие уже потеряли все свое состояние. Случившееся в последние 2 недели ярко продемонстрировало относительность мирового положения.

Мы делаем все, чтобы Институт [1] начал работать, и я верю, что у нас есть хороший шанс на успех, несмотря на неблагоприятные условия рынка. Сейчас я пишу в различные научные институты и Фонды с целью наладить сотрудничество.

Музей привлекает огромное внимание к себе, и толпы людей посещают его каждое воскресенье. В будни тоже приходят толпы. Общество музея Рериха организует еженедельные лекции, которые посещает много людей.

Миссис Хэрст посетила Музей и, как говорят, с огромным энтузиазмом. Посылаю с письмом мою статью в «Нью-Йорк Америкэн» по ранней китайской скульптуре. Я пришлю и другие после

их публикации. Мои лекционные поездки продолжаются. Путевые расходы огромны, и поэтому прибыль от лекций очень невелика.

Папа слегка простудился и последние 2 дня провел дома. Сегодня ему лучше. У него совсем нет свободного времени, и я рад, что хоть 2 дня он провел спокойно. Пиши, пожалуйста, о себе. Спасибо Владимиру за письмо и фотографии. Долина реки в самом деле прекрасна, а все вы, как права Людмила, выглядят чудесно. Размер китайской и индийской кукурузы замечательный. Получили ли вы список ваших книг, которые я храню здесь? На этой неделе отправлю вам книги, которые возможно вас заинтересуют. Нетти [2] собирается в дорогу. Я завидую тому, что она едет в Кулу. Надеюсь, мы тоже сможем это осуществить. Я хотел бы рассказать тебе о своих впечатлениях в этом суматошном и полном конфликтов мире.

Шлю всем вам мою любовь.

Твой преданный Ю.Р.

[1] Гималайский Институт научных исследований «Урусвати» в долине Кулу.

[2] Нетти Хорш, жена Луиса Хорша, член Совета директоров Рериховского Нью-Йоркского музея.

* * *

Декабрь 8, 1929

Дорогая мамочка!

Я спешу отправить это письмо до моего отъезда в Кливленд, Охайо и Вашингтон. Я собираюсь прочесть лекции в Университете Кливленда и затем я должен съездить в Вашингтон с полуофициальным визитом. Дела наши заметно улучшаются, несмотря на то, что финансовая ситуация довольно острая, но мы надеемся на лучшие времена в январе, феврале. Я знаю, что дело с регистрацией и разрешением проясняется, что скоро мы сможем достичь полного понимания. Отец писал вам о финансовых делах, поэтому я не буду повторяться. У меня было несколько встреч с руководством Колумбийского Университета, и я ожидаю интересного продолжения. Успех будет сопутствовать нам, мы идем правильным путем.

Дорогая мамочка, пиши мне, пожалуйста, о своей жизни в Кулу. Я искренне надеюсь на скорую встречу. Я хотел бы многое рассказать о своих впечатлениях, но это трудно сделать в письме. Ваши письма всегда приходят в нужное время и мы очень ценим их за мудрость. Я нахожу, что люди слишком сосредоточены на себе и не желают пожертвовать даже мелочами.

Я надеюсь, вы получили все посланные мной книги и фотографии. Ваши письма всегда задерживаются. Вместо того, чтобы приходиться по четвергам, они часто приходят по понедельникам. Рене Г руссе опубликовал в Париже очень интересную книгу по буддизму «На путях Будды». Я пошлю ее вам. Здесь на книжном рынке затишье, а последнее падение на бирже очень сократило возможности читателей. Как Эстер, как девочки и Владимир?

С наилучшими пожеланиями и любовью.

Ваш преданный сын Юрий Рерих.

* * *

Нью-Йорк, декабрь 19, 1929

Дорогая мамочка!

Я был в отъезде почти 2 недели, читал лекции на среднем Западе, а также посетил Вашингтон и Бостон. Лекции прошли успешно, а результаты встреч в Вашингтоне и Бостоне чрезвычайно благоприятные. Я надеюсь, что Тебе уже лучше, а прохладная погода в Долине улучшит твое состояние. Эстер писала, что перепады в температуре повлияли на Тебя. Я надеюсь на скорую встречу, и тогда мы обсудим многое, что совершенно невозможно сделать в письме.

Институты постепенно пробивают себе дорогу через нынешние финансовые трудности в стране. Мы надеемся, что общая депрессия, которая во многих случаях надуманная, скоро кончится. Мы ждем писем о Ваших заботах и можете быть уверены, что все найдет у нас отклик. Слышали ли Вы о регистрации? Мне сказали, что нет никаких проблем. Я ищу книги по буддизму, но похоже, что ничего важного не поступит в этом году и что книжный рынок будет неинтересным.

Я опечалился, узнав из письма Владимира о медведе. Я верю, что Вы скоро начнете сажать собак на цепь.

Передайте теплые приветы всем друзьям. Как Эстер и Владимир?
Как девочки? Судя по фотографиям, вы выглядите прекрасно.

С любовью и наилучшими пожеланиями.

Твой преданный сын Юрий Р.

* * *

New York, февраль 15-го, 1930

Родная Моя Мамочка!

Пользуюсь отъездом Порумы [1], чтобы написать обстоятельное письмо. По многим причинам приходилось писать лишь краткие весточки. Весьма часто ощущалась необходимость более полного изложения событий как внешней, так и духовной жизни. За последнюю зиму произошла значительная кристаллизация в моем мировоззрении, и Твое последнее письмо о суровости к самому себе, и о воздержании от обсуждения близких прозвучало совершенно особенно. Именно об этом я постоянно говорю. Часто меня упрекают в излишнем милитаризме и редко понимают, что эта воинственность духа, которая часто меня захлестывает, есть ничто иное, как внешнее выражение боевой готовности смело смотреть в глаза событиям. Часто вижу себя во снах идущим в далекий поход, при этом всегда вижу Тебя стоящей на холме в отдалении. В одном из последних снов видел как бы занесенную снегом холмистую долину и идущую по ней колонну войск. В конце сна помню человека с темной бородой, который учил меня петь песни. Интересно отметить, что проснулся я напевая слова совершенно незнакомой песни.

Не знаю, относится ли это к действительному походу или только символическое отражение состояния духа. Так хотелось бы испытать себя на деле.

Постараюсь изложить события своего пребывания здесь по порядку:

1) О лекциях я уже писал. Feakins был необычайно медлителен, так что вместо 30 обещанных лекций я имел только 16, хотя успех был большой. На своей последней лекции в Philadelphia имел Audience в 1000 человек. Прилагаю заметку в местной газете. К сожалению, при подписании контракта не условились о плате за разъезды. Вопреки

существующим правилам турнэ мне приходится все платить самому. В результате терплю убыток. О подробностях расскажу лично.

2) Книга моя сейчас в Yale University Press [2]. Ввиду размера книги (около 600 стр.) Yale Press старается получить сумму на издание книги от Университета. Если все пройдет благополучно, надеюсь выпустить ее в августе.

3) Сейчас работаю над финансовой Campaign для Института в размерах \$100.000. Завтра решающий день. Nettie изложит Тебе подробности campaign. Всеми силами стараюсь двинуть Институт. Интерес большой, но деньги туго даются. Была указана Philadelphia, и действительно этот город необычайно отозвался. Кроме четырех лекций в городе (небывалое число для одного города), я приобрел много друзей, которых часто посещаю. Все они милые люди и трогательно стараются услужить. Хотелось бы спросить Твое мнение о них всех. Быть может некоторые были Тебе указаны. Вот краткий список имен, некоторые из них: Mrs Thayer, Mr.Cale, Alfred Collins. Helen Glenn, Mr. White, Appleton, Whuler. Из них Mrs Thayer была указана, и действительно деятельно помогает. Я уже писал тебе, что Archaeological Institute заключил с нами договор о производстве раскопок. Через своих друзей надеюсь достигнуть результатов, ибо здесь «social contact» – единственная возможность успешной работы. Nettie расскажет Тебе о созданных связях, а также о прекрасной работе и помощи моего старого друга Robert Rella. Итак, бьемся на всех направлениях. Мечтаю вернуться в Кулу и немного отдохнуть от напряженной работы. Пасик чувствует себя хорошо, и мы старательно его оберегаем. Светка действует и вообще живем мирно.

Шлю сердечный мой привет Ояне, Владимиру Анатольевичу, Людмиле и Рае. Буду рад всех снова увидеть. Посылаем с Netti ряд вещей, остальные привезем сами. Выезжаем 4-го апреля, и 2-го мая покидаем Италию на Бомбей. Придется остановиться в Лондоне для налаживания обстоятельств.

Итак, до скорого свидания.

Крепко обнимаю,

Твой сын Ю.Р.

Рады за возможности Нетти. Так важно ощущать размер работы, и что каждое расширение есть не лишнее бремя, а новая ступень развития.

[1] Нетти Хорш.

[2] Издательство Йельского Университета.

* * *

Нью-Йорк, Март 24, 1930

Дорогая Мамочка!

В последнюю неделю у меня не было времени присесть и написать Тебе. Вещи прибыли утром так быстро, что у меня не было времени сесть к письменному столу и заняться моей корреспонденцией.

Очень скоро Нетти будет с Вами и Вы сможете узнать о нашей деятельности. Мне, кажется, удалось собрать группу друзей, которые помогут финансировать нашу научную работу. Я думаю для этого есть возможности и я надеюсь, что обеспечен надежными работниками.

Я счастлив сообщить, что моя книга принята к публикации издательством Йельского университета, и теперь она печатается. Было не просто пристроить эту книгу из-за ее дорогой стоимости (600 страниц, около 200 фотографий и карт). Я с нетерпением жду возвращения к вам и начал а работы в долине. Было бы так замечательно увидеть опять Вас всех. Я отправил 4 ящика книг для «Урусвати», надеюсь, они благополучно дойдут. Пожалуйста, найдите фото могилы святого Сергия. Один из его монастырей был недавно взорван. О, эти вандалы! Надеюсь, Вы получили все посланные мной книги. Среди них были и по садоводству. Я посылаю накладную на семена, которые были отправлены Вам. Некоторые из моих друзей послали семена редких садовых цветов.

Пожалуйста, передай мои наилучшие пожелания Нетти, Эстер, Владимиру и девочкам.

Твой преданный сын Юрий Р.

* * *

Карлтон Отель, Лондон, май 24, 1930

Дорогая мамочка!

Мы Все еще в состоянии неизвестности относительно наших виз [1]. Некоторые уверяют нас, что задержка происходит из-за теперешней ситуации в стране. Как бы там ни было, все это совершенно неожиданно. Ясно, что мы должны продолжить наши хлопоты.

К нашим делам проявляют большое внимание в Штатах, многие известные люди отправили телеграммы в Лондон, прося официальные круги ускорить решение нашего дела.

Твое здоровье нас очень беспокоит, и мы надеемся, что все волнения не окажут влияния на твое здоровье. Верь, что мы сделаем все возможное, чтобы выиграть наше дело. В то время, когда это письмо дойдет до вас, наш ботаник уже будет с вами.

Французский посол, который снова оказал нам дружескую поддержку, не получил ответ от властей. Мы вас сразу известим, как только получим разрешение. Я надеюсь, что все наши предыдущие письма дошли до вас и что вы понимаете все обстоятельства. Эта задержка наиболее изнурительна, и мы уповаем на вмешательство. Госдепартамент телеграфировал посольству, чтобы оно приняло повторные меры. У нас хорошие новости из Нью-Йорка. Без сомнения, ты хорошо осведомлена о разнообразной деятельности музея.

В Европе дела тоже движутся хорошо. Мы завязали важные связи с французскими научными институтами. Я завидую Нетти, что ей выпал случай все это время быть вместе с вами.

Я пишу отдельное письмо Владимиру с распоряжениями о первоочередных работах в Институте. Ботаник должен незамедлительно начать свою работу для того, чтобы не терять драгоценного времени.

Георгий [2] шлет тебе наилучшие пожелания. Мои теплые пожелания Нетти, Эстер, Владимиру и девочкам.

Твой сын Юрий Р.

[1] 1 июля 1929 г. Н.К. Рерих и Ю.Н. Рерих запросили английские власти о выдаче им въездных виз в Индию, где в это время находилась Е.И. Рерих. Несмотря на то, что в их поддержку выступили многие известные общественные и государственные деятели Европы и Америки, английское правительство продолжало отказывать. Лишь 5

декабря 1930 г. английский консул в Пондишери выдал им въездные визы.

[2] Георгий Гаврилович Шклявер – сотрудник Европейского Центра Рериховского Общества.

* * *

Париж, июнь 18, 1930

Дорогая мамочка!

Мы только что узнали из твоей телеграммы, что вы получили нашу с сообщением о нашей встрече с Президентом [1]. Мы нашли, что он человек высокой культуры и наш друг, он хорошо осведомлен о нашем Институте и папиной работе на поприще искусства и науки. Все мы считаем, что нам посчастливилось встретить такого человека. Приятно было узнать, что глава Франции – человек обширных знаний в области науки и искусства.

Надеемся скоро увидеть вас, наши друзья нам в этом помогают. Мы были тронуты тем, что все здесь очень уважают папу и во французских кругах хорошо известна его репутация в императорской России. Это особенно приятно, так как в других странах о нас мало знают.

Мы получили ваши письма от 4 июня. Надеемся, что жара в Кулу не очень повредит вам.

Я рад узнать, что доктор Кольц [2] вдохновлен перспективами научной работы в районе Кулу, Его работа может стать очень важной. Пожалуйста, передайте ему мои наилучшие пожелания.

Вчера маркиз д'Андиње и муниципальный Совет Парижа устроил прием в честь папы. Это было очень удачно.

Время в Париже мы провели очень насыщенно. При встрече я расскажу обо всех интересных подробностях.

Мадам де Во Фалипо [3] настоящий друг. Георгий хорошо работает. К сожалению, его мать снова перенесла приступ своей болезни.

У нас хорошие новости от Френсис. Ее деятельность получила одобрение в письмах американских посольств Госдепартаменту.

Светик все еще ждет решения. Недавно мы получили от него письмо с интересными подробностями обо всей процедуре. Я себя

чувствую хорошо и хожу как обычно. Глаз, который меня беспокоил, уже лучше, но требует упражнений.

Моя статья о тибетских символах, наконец, появилась в журнале «Азиатское искусство».

Получили ли вы все семена, посланные из Нью-Йорка в Наггар? Почему так давно молчит Владимир? Как Нетти и Эстер? Пожалуйста, передай им мои наилучшие пожелания. Как девочки? Мы получили для них книги для чтения.

Пару дней тому назад мы виделись с Чаплдсами. Они близкие друзья. У Чарльза была очень хорошая выставка в Париже. Он достиг большого успеха и подарил одну из своих картин папе.

С любовью, твой преданный сын Юрий Р.

P.S. Получил ли Кольц все свое оборудование? Наш Нью-Йоркский офис и Институт работают хорошо, а новый секретарь мисс Линден прекрасно справляется.

[1] Президент Франции Г.Думерг.

[2] Вальтер Кольц (Koelz) – ученый, ботаник, сотрудник «Урусвати».

[3] Председатель Европейского центра Рериховского Общества в Париже.

* * *

Paris 22-go avg[уста], 1930

Родная Моя Мамочка!

На этой неделе получили длинное письмо Esther и Nettie с изложением желательных изменений в организации Школы [1]. В своих письмах папа уже подробно ответил на все затронутые вопросы, потому пишу исключительно об Институте [2]. Рад слышать, что Esther стремится заняться Институтом. Боюсь, что для Nettie будет слишком много работы по Обществу Друзей [3], чтобы еще заниматься Институтом. Общество чрезвычайно разрослось, и в будущем году наши европейские отношения потребуют много работы. Собственно говоря, по Институту работа ограничивается замещением меня на заседаниях Trustees и Finance Committie [4]. Всю routine work [5] ведет

miss Linden [6], которая вполне справляется с работой. Научной стороной деятельности Института в Америке заведует В.А. Перцов [7], мой друг и духовно близкий мне человек. О нем хорошо говорит Вл[адимир]. До сих пор на заседаниях Trustees меня замещала Зина. Надеюсь, она согласится продолжать работу в отсутствие Esther и моего, ибо до отъезда обсудили во всех деталях деятельность Института. Отчеты Института вам посылаются еженедельно. Budget почему-то не посылался нашими Finance Office, хотя я неоднократно просил об этом. Надеюсь, вы теперь регулярно получаете его. Боюсь, что многие письма пропадают, как это было дело с письмами, извещающими о поездке Dr.Koelz. Вы пишете о каком-то Chesterfield. Такого я не знаю, но думаю, что Esther имеет в виду Mr.Shuttlewoth'a, с которым я действительно вел переговоры. Вопрос остался открытым. В моем письме Влад[имиру] Ан[атольевичу] посылаю ряд указаний по научной работе Института. Рад сообщить, что библиотека Института получает от издателей ценные книги.

Всеми силами стараемся получить визу. Вопрос принял совершенно неожиданные формы. Америка сделала энергичные представления. Все Ю[жно]-американские страны также двинулись. Собираются поднять вопрос в Лиге Наций. Словом, неслыханный случай. Верим в победу, но все же грустно, что приходится направлять все силы на борьбу с людской тупостью.

Написали сильные письма в Главное Управление Моравских Братьев в Саксонии. Всюду требуем удовлетворения. Главное теперь откинуть все личное и сохранить единение. Приезжал из Риги др.Лукин [8]. Чудесный человек. Мы много говорили и многое вырешили. Бар. Таубе [9] нашел в своих изысканиях о нашем роде, что в 1256 г. в Померании жил Freidrich von Roerich, comtur ордена Темплиеров. Там до сих пор существует замок Roerichen и река Roericke. Много интересных подробностей.

Посылаю несколько фотографий Марины [10] с сыном.

Шлю сердечный привет Esther, Nettie, Людмиле и Рае.

Любящий

Ю.Р.

[1] Школа искусств при Нью-Йоркском музее Рериха.

[2] Гималайский Институт научных исследований «Урусвати» в долине Кулу.

[3] В это время во всем мире образовывались Общества друзей Рериховского музея. В данном письме речь идет о Нью-Йоркском Обществе.

[4] Правление и финансовый комитет.

[5] Повседневная работа.

[6] Мисс Линден, секретарь Нью-Йоркского музея Рериха.

[7] Перцов В.А. Биолог, сотрудничал с «Урусвати».

[8] Лукин Феликс Денисович, председатель Рижского Рериховского Общества.

[9] Таубе МЛ., родственник Н.К. Рериха, юрист.

[10] Марина Дмитриевна Лус-Туккер, урожденная Потоцкая, племянница Е.И. Рерих.

* * *

Paris, 28-th Sept, 1930

Родная моя мамочка!

Приехала Nettie и как радостно было слышать живое слово о Тебе и всех милых нам людей в Hall Estate. Nettie очень выросла духом. Дай Бог, чтобы она сумела укротить непонимающих и тех, кто стремится к личным целям, забывая о долге перед Учреждением. Завтра Nettie побывает в American Embassy и французском Министерстве Иностранных Дел. Живое слово будет иметь громадное значение. Рад сообщить, что Международный Красный Крест послал телеграммы в Симлу и Лондон. Югославия, Франция, Чехословакия снова сделали энергичные представления в Лиге Наций. Словом, двигаем всех, кого можем достать. Конечно теперь многое идет помимо нас, ибо вопрос принял вполне принципиальный характер. На днях Швеция делала представление по нашему делу в Париже. Главное береги свое здоровье. Мы радовались узнать о Вашем понимании событий. Кружки Общ[ества] Др[узей] образованы в Германии, Австрии, Швейцарии, и начинается в Голландии. Словом, растем.

Получил рапорт Dr. Koelz. Написал сейчас же ответ с изложением некоторых соображений. Писал ему 3-го авг. Но ответа не получал. Еженедельно пишу В.А. [1] по делам Института. Пусть покажет

письма. Почему-то Louis [2] и Зина решили не посылать отчетов в Наггар, хотя я неоднократно писал об этом. Благодарю Esther за хорошие мысли. Мы решили ее просить быть chairman of the Patrons Committie. Там нам нужно энергичного человека. Поговорим по приезде. Передай мою благодарность за преданность Людмиле и Рае. Мы научились ценить всех сотрудников. Крепко обнимаю. Любящий Ю.Р.

P.S. Как жаль, что семена оказались плохими! Шлю привет Ванон'у.

[1] Владимир Анатольевич Шибаев.

[2] Луис Хорш, директор Рериховского музея в Нью-Йорке.

* * *

SS Azay-le-Rideau Port-Said, Oct.18-th 1930

Родная Моя Мамочка!

Сегодня подходим к Port-Said'у. На носу реет флаг М.М. Погода чудная, и как-то особенно вдыхаем воздух моря, после целого года газolina и др.запахов, снова чистота открытой природы. На днях была сильная гроза с ветром и по горизонту бродили высокие столбы смерчей. С нами едет доктор для медицинских работ и чтобы осмотреть твое состояние. Он говорит, что подобное состояние можно определить только после длительных наблюдений. Собирается вести дневник болезни. Очень интересуется психическими явлениями. Приготовьте ему комнату в «Arcadia» [1]. Так рвемся к Вам. 4-го ноября прибываем в Pondichery [2], где будем гостями местного губернатора.

Имеем сильные рекомендательные письма. Надеемся, что все скоро выяснится. Ждем известий от Нетти, которая должна была посетить Vashington и видеть нашего друга Castle. Удивительно славный он человек и так понимает положение. Слышали, что назначается новый вице-король. За эти дни три сильных комбинации должны были снова поднять вопрос о наших визах. Интересно отметить, что до решения доктора ехать с нами видел во сне его едущим с нами мимо Палампуре [3]. Вообще подобные сны делаются частым явлением. Спасибо Зине за хорошие письма. В своем письме к

Trustees она взяла нужную ноту. В некоторых вопросах ее помощь будет необходима. Рад, что д-р. Koelz так энергично действует в своей области. Получили ли вы 4 ящика с снаряжением и личными вещами? Также несколько пакетов книг для Института и моей личной библиотеки? Получили ли из N.Y. планы столов и шкафов для биохимической лаборатории? Очень рад, что папа отдохнет на пароходе. Paris был очень утомителен, ибо многое было сделано. Тяжело было быть все время на людях, особенно некоторых, которые постоянно вертятся около нас. На пароходе много пассажиров едет в Абиссинию на коронацию Негуса.

На пароходе едет один американский археолог в Индию. Получил визу без всяких затруднений. Очень ждем ваших весей в Коломбо и Pondichery. Почта из Pondichery идет 6 дней до Кулу. Быть может и скорее. Купили граммофон и «Filluse» Дебюсси, а также франц.рекорд «Прощание Вотана».

Шлем сердечный привет Esther, Vlad., Людмиле и Рае.

Крепко обнимаю.

Любящий

ЮР.

[1] «Аркадия» – имение в долине Кулу.

[2] Пондишери – город на юго-восточном побережье Индии. До получения Индией независимости – французская колония.

[3] Город в Индии.

* * *

Пондишери, Французская Индия, ноябрь 7, 1930

Дорогая мамочка!

Через 24 дня мы, совершив путешествие по спокойному морю, прибыли в Пондишери и ожидаем начала переговоров. Мы получили Ваши письма от 27 и 29 [октября] и были рады вестям от вас. Мы надеемся на скорый благоприятный ответ. Нас очень беспокоит твое здоровье. И мы надеемся, что наш доктор тебе поможет. Конечно, тебе нужен полный покой, чего не было последние полгода. Пожалуйста, сообщи нам телеграммой о том, как ты себя сейчас чувствуешь.

Мы уже 4 дня в Пондишери. Так странно быть вновь в Индии и наблюдать знакомые сцены из сельской жизни. Первые три дня были очень жаркими с обильными дождями. Сегодня лучше, и мы отдохнем от жары. Мы встретились с губернатором и архиепископом Пондишери. Оба обещали содействие. Вчера мы посетили древнее поселение и раскопали несколько глиняных урн с остатками костей. Вся коллекция будет передана нашему Институту. В ней есть также глиняные изделия и каменные полированные топоры.

Гостиница здесь похожа на гостиницу при почтовой станции, без водопровода и хорошей ванны. Наша ванная комната расположена на крыше, и прошлой ночью, блуждая в темноте, я имел несчастье (или счастье) наступить на мышь и раздавить бедное животное. В Пондишери много памятников 18-го века, несколько старинных домов и церквей, а также развалины форта. Будучи в Коломбо, мы посетили Канди [1] и осмотрели его буддийские храмы. Дорога от Коломбо до Канди (105 км) – замечательная, и мы полностью насладились экскурсией. Дорога проходит через джунгли и холмы, так напоминающие предгорья Гималаев.

Надеюсь, с божьей помощью, мы скоро увидим вас. Правительство Франции и французский посол в Лондоне заверили нас, что продолжают хлопоты. Теперь уже дело чести добиться скорого и благоприятного ответа. Верь, что мы сделаем все, что в наших силах, чтобы реабилитировать наши имена, и снимем с нас это гнусное обвинение.

Я был счастлив услышать об успешных поездках доктора Кольца и надеюсь, что он получил мои письма. Наш доктор и я жаждем присоединиться к его научной работе.

Сожалею, что некоторые вещи прибыли разбитыми, хотя они были тщательно упакованы в Нью-Йорке. Надеюсь, что ты получила кое-какие книги и для себя. Мы привезем граммофон, который, по словам нашего доктора (хорошего пианиста), неплохой.

В Пондишери невозможно приобрести обогреватель (warmalething). Надеемся купить его в Мадрасе.

Наилучшие пожелания Эстер, Владимиру и девочкам.

Твой преданный сын Юрий.

[1] Древняя столица Цейлона.

Отчет о поездке в Вашингтон Н. Рериха, Ю. Рериха и Френсис Грант в декабре 1929 г.

За время поездки в Вашингтон нанесли визиты сенатору Бораху, заместителю госсекретаря Вильяму Кастлу, конгрессменам Тильсону, Солу Блуму, мистеру Артуру Куку, доктору Роу и мисс Брейнорд из Панамериканского союза, мистеру Дункану Филлипсу, мисс Мечлин из Американской ассоциации Музеев, мистеру Дрю Пирсону из госдепартамента, мистеру Хаксли из Британского посольства.

12 декабря проект адреса проф. Рериха об Азии был представлен сенатору Бораху вместе с проектом «Пакта Рериха» и специальным флагом, который должен будет обеспечивать защиту культурных ценностей во время войны.

Сенатор Борах также обещал отправить рекомендательные письма о проф.Рерихе американскому консулу в Индии и другим лицам, которые могли бы помочь [1].

От мистера Кастла, а также из Британского посольства стало известно, что дело, касающееся долины Кулу, продвигается и скоро будет получен благоприятный ответ.

Доктор Роу обещал свою помощь в панамериканских планах и в предстоящей поездке в Южную Америку.

Мистер Кастл также предложил написать послу Доусу в Лондон и другим представителям дипломатического корпуса, чтобы помочь в предстоящей поездке профессору Рериху.

Конгрессмен Блум обещал написать несколько писем. Мистер Кастл сообщил о поправке к Биллю о натурализации, в которой будет сделано исключение для выезда из страны в связи с научными и культурными исследованиями для американских институтов. Эта поправка должна быть внесена на рассмотрение комитета по натурализации.

От Фонда Карнеги предложили ботаника мистера Парка в качестве возможного сотрудника Института Гималайских исследований. Подробности будут в отчете Института Гималайских исследований «Урусвати».

[1] Британское правительство отказывало в выдаче въездных виз в Индию Н.К. и Ю.Н. Рерихам. В данном документе идет речь о помощи американских государственных и общественных деятелей в получении этих виз.

ПИСЬМО МУЗЕЮ РЕРИХА

Март 17, 1933

Джентльмены,

из вашего февральского бюллетеня мы увидели, что Тибетско-Английский словарь закончен Д-ром Ю.Рерихом и ламой Минг-юр Лобзанг Дорджи. Пожалуйста, пришлите нам экземпляр, когда он будет издан вместе с чеком.

Нас также заинтересовала выставка старинной болгарской народной вышивки, которая состоялась 14 февраля. Пожалуйста, пришлите ее каталог.

Зав.библиотекой

Нью-Йоркского музея искусств Метрополитен.

ПУБЛИКАЦИИ ИНСТИТУТА ГИМАЛАЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ «УРУСВАТИ»

1. «Урусвати». Ежегодник.
2. Прфессор Лэнмен и его работа в области индологии.
3. Магофин Р.В.Д. Археология как наука.
4. Искусство археологических раскопок.
5. Ю.Н. Рерих. Проблемы тибетской археологии.
6. К.К. Лозина. Практика пола и духа.
7. Перцов В.А. Ломоносов и его вклад в естественные науки.
8. Шibaев В.А. Основы права в гималайских источниках.
9. Шibaев В.А. Профессор Альберт А.Михельсон и его вклад в науку.
- 10 А.И.Махов, Последние археологические открытия в Индии.
11. Ю.Н. Рерих. Очерки о Калачакре.
12. Ю.Н. Рерих. Тибетская церемония разбивания камня.
13. Е.Шрамак. Пенджабская фонетика.
14. В.Н.Кольц. Дневник 1931 г. экспедиции в Ладак.
15. Перцов В.А. О лецетине.

16. Ю.Н. Рерих. Летопись Центрально-Азиатских исследований. 1931г.
17. Ю.Н. Рерих. Свен Гедин.
18. Бинейд. Космический луч, посылаемый в юго-западный Ладак.
19. Шив Рам Кашияп. Отчет о путешествии на глетчер (ледник) Ганготри.
20. Нить Ариадны в раскопках.
21. Метальников С. Значение кожных покровов в охране здоровья.
22. Миронов Н.Д. Праджнапарамитардайсутра как посвящение.
23. Возможное значение принципа необходимости Хейзенберга в химии живой материи.
24. Летопись Центрально-Азиатских исследований за 1932 г. и Центрально-Азиатской экспедиции.
25. Новое Институтское здание для медицинских исследований в Наггаре.
26. Ю.Н. Рерих. Тибетский диалект Лахула.
27. Ю.Н. Рерих. Лама Лобзает Мингюр Дорджи. Тибетско-английский словарь.
28. Жизнь Мар-па. Перевод с тибетского Ю.Н. Рериха.
29. История буддизма. Падма Дхар-по. Перевод Ю.Н. Рериха.